

А. А. Алексеев, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Иерусалимское наследие в Константинопольском лекционарии

Константинопольский лекционарий был создан в конце VII в. как единое целое. В нем, однако, сохранились следы раннего этапа развития богослужения в Иерусалиме, связанные с деятельностью имп. Константина в 330-е гг. и епископа Кирилла (ок. 348/50—386/7). К ним относятся: 1) обновление храма Воскресения 13 сентября 335 г., воспроизводящее дату 10 тишри, когда совершались освящения Первого и Второго храмов; 2) отдание преполовения Пятидесятницы (32/33-й день цикла), совпадающее по дате с сельскохозяйственным праздником Иерусалима *Lag baOmer*; 3) воспоминание Эмаусского путешествия (Лк 24.13—33) во вторник Светлой недели (сдвиг обусловлен удаленностью места от Иерусалима); 4) празднование Успения Богородицы 15 августа, что совпадает с 9-м аба, днем разрушения храма. В других осенних праздниках также можно видеть следы иерусалимской календарной традиции. Принципиально новые феномены воспринимались и оформлялись как черты древней традиции.

A. A. Alexeev

Jerusalem Legacy of the Constantinople Lectionary

Being a product of the very end of the 7th century, the Constantinople Lectionary contains some features of the 4th century. They are: 1) the Anastasis Church dedication on September, 13; 2) Leave-taking of Mid-Pentecost on the *Lag baOmer*-Day; 3) the Walk to Emmaus on the Tuesday of the Holy Week; 4) the Assumption of the Theotokos on August, 15.

М. Я. Вайскопф, д-р филологии, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)

Образы отчужденного бытия в лирике Фета

Хорошо известно, что лирический субъект у Фета наделен постоянной аморфностью и протеичностью, доходящей до его прямой деперсонализации или же смешения с объектом нарратива — космосом, природой, адресатом обращения и т. п.

Но это означает, что в процессе такого растекания субъект не только беспредельно расширяется, но и, в принципе, отчуждается от самого себя. Нередко он и смотрит на себя извне — например, «очами звезд» или глазами возлюбленной, иногда уже мертвой. Отсюда, в частности, фетовский сюжет «сна во сне», подсказанный, с одной стороны, немецкой романтической традицией (жизнь как сон), а с другой — Лермонтовым («В полдневный жар,

в долине Дагестана...»): см. «Вчера, увенчана душистыми цветами...», «Измучен жизнью, коварством надежды...», «На железной дороге...». Это может быть и чужое видение, рассказанное автору и описанное им от первого лица («Грезы»). Произведения такого рода создаются еще до знакомства с Шопенгауэром, но в его мировоззрении и, возможно, в индийской мистике, актуализированной немецким мыслителем, ретроспективно обретают религиозно-философскую санкцию.

Обыгрывая метафорическую гамму слова «сон», Фет отождествляет с ним то все мироздание в его захватывающем величии, то самую жизнь как марево, то сезонное увядание природы или унылый процесс старения, то смерть, а наряду с ней — и райское инобытие (например, в «Колыбельной песне сердцу»); сон может соотноситься одновременно и с вечностью, и с мимолетностью существования, причем несколько значений соединяются порой в пределах одного и того же текста. Сон может персонифицироваться, как это происходит, например, в стих. «Сны и тени», и даже напрямую идентифицироваться с тем, кто его насылает — в данном случае с лирическим субъектом сочинения («Я — этот сон»). В конечном итоге индивидуальное бытие души предстает зыбкой условностью, и над субъектом витает некий метасубъект, который легко меняет свои ипостаси.

В предлагаемом сообщении центральное место уделяется межуточным состояниям, излюбленным Фетом и размывающим грань между созревающей жизнью и смертью, между миром детства и царством призраков.

M. Weisskopf

Visions of estranged being in Fet

The paper deals with intermediate hallucinatory states between dream and reality, life and death, the charmed world of childhood and the kingdom of apparitions and ghosts. These states were favored by Afanasii Fet not only in his ballads written about 1842 but also in his mature lyric. In contrast with the Romantic poetry, Fet's lyric subject is often vague, amorphous, or proteic, to the point of being depersonalized or blending with the object which is cosmos, nature, or the addressee. The subject is estranged in this process and sometimes even sees himself from outside, hence plots like "dream within a dream" in his poems or situations when the subject is 'seen by the eyes of the stars'.

*М. Ванхала-Анишевски, д-р филологии,
Университет г. Ювяскюля (Финляндия)*

Медiateкст как средство обучения иностранному языку

Средства массовой информации, их содержание и способы передачи информации представляют собой богатый ресурс для изучающего язык как иностранный. С помощью медiateкста он знакомится с новейшими лексико-стилистическими изменениями языка, а также с современными тенденциями его развития. Кроме того, и что немаловажно для

иностранного студента, он посредством языковой структуры узнает много интересной и полезной — нередко имплицитной — информации об обществе изучаемого языка.

В данном сообщении мы рассмотрим, как медиатекст используется при обучении русскому языку в финской аудитории. Будет кратко представлен курс «Язык российских СМИ», предлагаемый студентам-русистам Университета г. Ювяскюля на магистратуре. Внимание на данном курсе обращается на лексико-грамматические и стилистические изменения языка современного русского медиатекста, на соотношение языка массмедиа с литературной нормой, на методы исследования языка СМИ, а также на культурологический контекст, в котором русские медиатексты создаются [Добросклонская, 2008; Сметанина, 2002]. Именно этот общественный и культурный контекст, согласно нашему опыту, вызывает довольно большие трудности среди студентов, т. к. сегодняшнее финское молодое поколение слабо владеет культурно-специфической и значимой информацией, связанной с российским обществом. Посетив Россию даже несколько раз, студент может знать в общих чертах современную Россию, ее культуру и быт, но история и события, например, советского периода ему почти неизвестны. Естественно, что их незнание, а также незнание прецедентных феноменов, характеризующих историю и культуру страны, затрудняет восприятие и истолкование содержания медиатекста.

Литература

Добросклонская Е. Г. Язык средств массовой информации. М., 2008.

Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. СПб., 2002.

*M. Vanhala-Aniszewski, University of Jyväskylä
(Finland)*

Using media texts to study foreign language

The mass media and the linguistic means used to mediate information constitute an important resource for persons studying a language as foreign. Media texts give to the students a possibility to get acquainted with lexical, grammatical and stylistic changes going on in the language. In addition, through the media language and its structure the reader obtains information — quite often implicit information — about the society, his history and culture. In this paper, it will be discussed, how in the University of Jyväskylä the media text is used in studying Russian.

*М. Вингендер, д-р филол. наук, Университет им.
Юстуса Либига (Гиссен, Германия)*

Типология стандартных языков. Признаки славянских стандартных языков и корпусный анализ

Значительное количество исследований по теории стандартных языков не может скрыть тот факт, что важные аспекты стандартологии остаются все еще недостаточно

разработанными или не получили еще подобающего им описания. Недостатки в области теории отражаются и в описании спорных случаев стандартных языков.

Согласно теории понятийных форм отличаются три категории понятий: классификационные, компаративные и типологические [Stegmüller, 1980]. Дисциплина стандартологии, по существу, не вышла за рамки классификационных понятий. Это большая заслуга Пражского лингвистического кружка и стандартологов советского языкознания, что они развили понятийный аппарат в этой области, ср. такие бинарные классы, как:

- моноцентрические и полицентрические стандартные языки;
- стандартные языки с непрерывным развитием и языки с не непрерывным развитием;
- национальные и донациональные стандартные языки и т. д.

Основы сравнительной/компаративной стандартологии славянских стандартных языков создали прежде всего Д. Брозович и Н. И. Толстой [Брозович, 1967; Толстой, 1985], которые определили инвентарь признаков для сравнения и сравнили на этой основе славянские стандартные языки. Цель моих исследований — продолжить эту важную в славистике традицию. Задачей доклада является усовершенствование господствующего классификационного понятийного аппарата и его развитие в направлении понятийного аппарата, описывающего языковые типы.

Предположение, что всем стандартным/литературным языкам присуща определенная *степень* стандартизованности, лежит в основе сравнительной/компаративной стандартологии, которая образует методическую базу и моего доклада. То есть тот или иной идиом соответствует таким критериям, как ‚нормированность‘, ‚кодифицированность‘, ‚функциональный потенциал‘ и т. д., всегда лишь в определенной мере. Наш доклад должен показать, как на основе набора признаков описываются разные степени признаков. Развита нами модель признаков стандартных языков [Wingender, Barkijević, Müller, 2010] охватывает четыре компонента стандартизованности (языковой, функциональный, социальный и ситуативный) и относящиеся к ним признаки. В модели включены только признаки, имеющий градуальный характер.

Как можно описать градуальные признаки и сравнить таким образом стандартные языки? Чтобы заложить в основу степень выраженности признаков, мы исследуем две тенденции, описанные Пражской лингвистической школой: демократизацию и интернационализацию стандартных языков. Так как каждое сравнение основывается на прототипах, мы выбрали как прототипы русский (в качестве представителя моноцентричного стандартного языка) и хорватский (в качестве представителя полицентричного стандартного языка). Признаки этих стандартных языков будут описаны и с перспективы создателей (т. е. языковой политики), и с перспективы пользователей стандартных языков (т. е. говорящих). Признаки анализируются методами корпусной лингвистики. В итоге будет показано, как на основе корпусного анализа тенденций демократизации и интернационализации можно

определить степень выраженности выбранных признаков и тем самым установить разные типы стандартных языков.

Литература

- Stegmüller W.* Begriffsbildung. In: Speck, J. (ed.). Handbuch wissenschaftstheoretischer Begriffe. Band 1. Göttingen 1980. P. 61—69.
- Wingender M., Barkjjević I., Müller D.* Korpuslinguistische Untersuchungen von Standardsprachenmerkmalen. Ein Beitrag zur vergleichenden Standardologie. // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2010. N 67, 1. P. 125—161.
- Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 3—33.
- Толстой Н. И.* Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения) // Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985. С. 9—24.

M. Wingender

Typology of standard languages. Features of Slavic standard languages and corpus analysis

The study and description of standard languages has a long-standing tradition in Slavic philology. According to scientific theory, concepts are generally divided into three types: classificatory, comparative, and typological. Most of the terminology and conceptual apparatus of Slavic standardology has been developed on the basis of classificatory concepts. Developing the comparative approaches of Brozovic and Tolstoj, this lecture will demonstrate how the *degree* of standard language features can be measured on the basis of a corpus-linguistic analysis of a set of features, thereby allowing one to define comparative and typological types of standard languages.

*О. М. Воевудская, канд. филол. наук,
Воронежский государственный университет
(Россия)*

Система ценностей германских народов (по данным парадигматического анализа лексики)

Как известно, наиболее важные для носителей языка понятия многократно дублируются языковой системой, что выражается в синонимических рядах разной размерности. По данному показателю можно судить о приоритетах и ценностях, которые значимы для носителей данного языка, и об особенностях менталитета данного народа.

В настоящее время ценностные ориентации носителей славянских языков исследуются, например, участниками проекта «Славянского аксиологического словаря» [Березович, 2003], один из подходов к выявлению аксиосферы славян представлен в работе И. А. Меркуловой [Меркулова, 2011], для каталанского языка — в работе Е. В. Долбиловой и А. А. Кретьова [Долбилова, 2010].

Подобная цель в приложении к германским языкам поставлена в предлагаемом исследовании. Объектом для анализа послужили значения, имеющие наиболее многочисленные синонимические ряды. Информация о синонимических связях лексем извлекалась из двуязычных словарей путем позиционного анализа дефиниций, предложенного А. А. Кретовым и В. Т. Титовым [Кретов, 2006].

По каждому из 11 германских языков путем ранжирования было отобрано около тысячи рядов с наибольшим количеством синонимов, которые и сформировали так называемое парадигматическое ядро. Значение, формирующее синонимический ряд с максимальным количеством членов, называется доминантой, второе по количеству синонимов значение — вице-доминантой.

Среди значений, представленных во всех 11 германских языках, оказались следующие: *удар, шум, начало*. В десяти языках отмечены совпадения по четырем значениям: *странный, украшать, упрямый, глупость*. В девяти языках отмечены совпадения по шести значениям: *происходить, менять, дело, щедрый, поднять, печальный*. Наименьшее количество совпадений отмечено по двум значениям — *поселиться* (в африкаанс и фризском) и *бедняга* (в исландском и фарерском).

Таким образом, парадигматический анализ германской лексики позволяет сделать следующие выводы о системе ценностей носителей германских языков:

- 1) стремление к материальному благополучию (*деньги, менять, платить, кусок, предмет, предоставлять/давать*);
- 2) определенный баланс между тягой к переменам и стабильностью (*выходить, двигаться, поселиться, останавливаться, сохранение*);
- 3) трудолюбие (*поднять, выпустить, убрать, выполнять, украшать, удар, дело*);
- 4) регулирование отношений с другими людьми (*уважение, документ, объявление, отказ*);
- 5) поведенческие характеристики (*щедрый, осторожный, упрямый*);
- 6) склонность к мыслительной деятельности (*мнение, отражение*);
- 7) планирование, структурирование жизни и деятельности во временном плане (*происходить, начало*);
- 8) эмоциональные состояния (в первую очередь сочувствие — *печальный, бедняга*).

И наконец, принимая во внимание тот факт, что в языке прежде всего маркируется аномальность [Арутюнова, 1987; 1999], присутствие в парадигматических ядрах таких «отклонений от нормы», как *глупость, странный, шум, ошибка, резкий, пьяный*, свидетельствует о том, что для носителей германских языков важны такие качества, как ум, желание придерживаться сложившихся в обществе норм поведения, спокойствие, аккуратность, мягкость, трезвость.

Таким образом, результаты, полученные объективными методами статистики, позволяют перейти от уровня количественных показателей лексико-семантической системы языка на уровень их качественной интерпретации вплоть до выявления и философского осмысления системы ценностных ориентиров носителей того или иного языка.

O. M. Voevudskaya

The system of values of the Germanic peoples (based on the paradigmatic analysis)

The suggested report explores the distribution of the vocabulary of 11 Germanic languages according to the number of their synonyms, reveals the most numerous synonymic sets that can display the system of values of the Germanic peoples.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык: (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3—19.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Березович Е. Л.* и др. Проект «Славянского аксиологического словаря»: о создании исследовательской группы по разработке проекта аксиологического словаря / Е. Л. Березович, А. В. Юдин, Н. И. Зубов, П. Плас // *Język w kręgu wartości: studia semantyczne* / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin : UMCS, 2003. S. 456—458.
- Долбилова Е. В., Кретов А. А.* Парадигматическая стратификация каталанской лексики и аксиологемы каталанской ментальности // *Лінгвістичні студії*. Донецьк, 2010. Вип. 21. С. 267—273 .
- Кретов А. А., Тутов В. Т.* Алгоритм позиционного выявления синонимии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Системный анализ и информационные технологии. Воронеж, 2006. № 1. С. 62—65.
- Меркулова И. А.* Аксиосфера славян по данным синонимии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникации. Воронеж, 2011. № 2. С. 37—42.

*О. Ю. Воронина, канд. филол. наук, Бард
Колледж (США)*

Диалог о границе: дискурс эпохи Холодной войны о российской интеллигенции и советском изоляционизме

Несмотря на то что Холодная война обычно воспринимается как период почти полной внутренней и внешней изоляции России, многовековой диалог между Западом и Востоком не прерывался ни в начале конфликта, ни на всем его протяжении. На поверхностном уровне правительства конфликтующих стран с помощью средств массовой информации вели обмен риторическими клише («железный занавес», «Американский фашизм», «советское варварство», дискурс об экономическом, политическом и духовном «рабстве»), целью которого было формирование образа врага и корректировка национальной идентичности в соответствии с изменениями, вносимыми в этот образ. На глубинном уровне конфронтация

между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Западной Европой — с другой, привела к созданию ряда научных трудов и литературно-художественных произведений, изучающих историю, анализирующих суть и прогнозирующих будущее самого этого противостояния. В начале Холодной войны стремление определить, где проходит идеологическая граница между Западом и Востоком, вылилось в трансформацию дискурса о российской интеллигенции как носителе не только «западной идеи», но и импульса к преодолению любой интеллектуальной и духовной преграды. В более широком смысле начало Холодной войны стало продолжением разговора о либерализующем характере критического мышления, художественного творчества и саморефлексии в авторитарном государстве.

В докладе рассматриваются послевоенные попытки западных мыслителей охарактеризовать российскую интеллигенцию и определить ее роль в преодолении имперского и советского изоляционизма. Одновременно на основе писем, высказываний и художественных произведений русских писателей и ученых в нем анализируется внутренний опыт самоопределения интеллигенции в России. Обращаясь к работам Джорджа Кеннана, одного из ведущих американских идеологов Холодной войны и впоследствии историка и исследователя русской литературы и культуры, и к публикациям британского философа Исаяи Берлина, написанным в 1940—1950-е гг., я сравниваю их оценку российской интеллектуальной элиты, а также прогнозы, сделанные обоими учеными о дальнейших перспективах советского строя. Интерпретируя «Медного всадника» А. С. Пушкина, к которому обращается Кеннан в ряде своих статей, «Поэму без героя» А. А. Ахматовой, отчасти посвященную Берлину, и приводя многочисленные высказывания западных историков и философов других эпох (Вольтера, Герберштейна, Алгаротти, де Кюстина) о противостоянии западной «цивилизации» и российского «варварства», я стремлюсь не только определить источники некоторых высказываний периода Холодной войны о будущем России, но и продемонстрировать, как присвоение и отторжение данного подхода повлияло на формирование метафоры границы и безграничности в метапоэтическом пространстве российской культуры.

O. Voronina

A Dialogue on the Border: The Cold War Discourse on Russian Intelligentsia and Soviet Isolationism

This paper analyzes the Cold War discourse on Soviet isolationism and the capacity of Russian intelligentsia to overcome intellectual and spiritual borders between Russia and the West as a dialogue between Western thinkers and Russian intellectuals of the past and present. It focuses on the postwar pronouncements on the importance of critical thinking, artistic creativity, and self-reflection in the authoritarian state made by two important Cold War theorists, George Kennan and Isaiah Berlin, both of whom had established a personal relationship with Russian literature and its authors. By reading Pushkin's *The Bronze Horseman* in the context of Kennan's writing on Astolphe de Custine, Stalin's

dictatorship, and the American attempts to comprehend and restrain its foe, and by interpreting Akhmatova's *Poem Without a Hero* as a response to Berlin's notion of isolation between Russia's "Europeanized minority" and the rest of the nation, I attempt to re-define the Cold War cliché — the opposition between Western "civilization" and Russian "barbarism." My goal is to demonstrate how the appropriation and rejection of this trope contributed the construction of the border metaphor in the metapoetic space of Russian culture.

О. Н. Гринбаум, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

К вопросу о правомерности вычисления средних в стиховедении

1. Широкое использование количественных (статистических) методов анализа стиха в большинстве случаев позволяет исследователям получать весьма важные и ценные результаты, проливающие свет на материю стиха (лексику, синтаксис, строфику, метрику, рифму). Однако математика полезна в стиховедении лишь в том случае, если ее методы соответствуют природе стиха (ритму и смыслу), а неизбежные в любой научной деятельности ограничения и упрощения — не выхолащивают имманентное, художественное, эстетически значимое начало художественного текста.

2. В традиционном стиховедении при изучении ритмики стихотворного текста вычисляются (в том числе) такие параметры, как «средняя ударность стопы», «средняя ударность строки», «средняя ударность строфы». Эти вычисления должны строго следовать правилам математической статистики, которые предписывают соблюдение двух условий образования счетного множества для последующего применения к нему любых математических операций. Первое условие: объединение в одном счетном множестве только однородных элементов, второе — включение в то же множество только независимых друг от друга элементов.

3. В большинстве случаев указанные выше параметры рассчитываются с нарушением обоих условий, что ведет к получению некорректных данных. Нарушения первого условия связаны с игнорированием жанровой принадлежности текстов (лирика, драма, эпос) и отсутствием дифференциации по видам речи (авторская, неавторская); нарушения второго условия — с утверждением о независимости друг от друга строк одного стихотворения. В последнем случае ритмика стихотворного текста сводится к «среднестатистической», что противоречит: а) понятию поэтического текста как художественного (эстетически значимого) произведения и б) самому понятию ритма как темпоральной (динамически меняющейся) характеристики любого движения — и в том числе движения поэтической мысли.

4. Введенное нами ранее понятие гармонического потенциала строфы включает два варианта: а) холистический ритмико-гармонический потенциал строфы τ^C ; б) динамический

ритмико-гармонический потенциал строфы τ^D . При вычислении теоретических значений проблем с правилами статистики не возникает, но для определения фактических величин τ^C_Φ и τ^D_Φ игнорирование этих правил приводит к некорректным результатам. Так, для Онегинской строфы Пушкина величина τ^D_Φ , вычисленная по всем 362 строкам романа «Евгений Онегин», составляет величину $\tau^D_\Phi = 49,8$, тогда как использование средних значений ударности по каждой из строк приводит к величине, более чем в три раза превышающей истинную ($\tau^D_\Phi = 158,5$).

5. В докладе детально обсуждаются способы вычисления и результаты анализа величин τ^C и τ^D для ряда строф русского классического стиха. Последнее позволяет утверждать, что параметр «гармонический потенциал строфы» является новым классификационным и эстетически обусловленным признаком, который может быть использован как для систематизации и классификации строф русского классического стиха, так и при создании поэтических справочников нового типа.

O. N. Grinbaum

On the appropriateness of calculation of average values in prosody

We introduced a new parameter “strophe harmonic potential” into prosody, that showed the impossibility of the use of well-known data on the average stress in the line for particular poetic metre. Correct calculations should be based on the data for each strophe of the text. Our talk is devoted to detailed discussion of those questions.

*Е. В. Ерофеева, д-р филол. наук, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет (Россия)*

Особенности исследования русской спонтанной речи Пермского края: языковая ситуация¹

Изучение особенностей определенного региона должно основываться на анализе языковой ситуации в историческом и синхроническом аспектах. Языковая ситуация Пермского края с начала появления на Урале русских складывалась в условиях как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференции. В настоящее время русская устная речь Пермского края представлена рядом форм существования русского языка (кодифицированным литературным языком, разговорной литературной речью, просторечием и др., которые имеют локальную окраску), а также русской речью билингвов, проживающих на территории края (наиболее значимыми группами билингвов с точки зрения влияния на

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного задания на проведения научно-исследовательских работ (проект № 8.5295.2011).

русскую речь являются татары и коми-пермяки). Различные виды устной спонтанной речи монолингвов и билингвов взаимодействуют между собой и создают речевой континуум. Характеристики этого региолектного речевого континуума на сегодняшний день изучены недостаточно. Для полного описания данной языковой ситуации требуется планомерное изучение наиболее важных ее компонентов: устной спонтанной речи монолингвов (русских) — представителей разных социальных групп, устной русской спонтанной речи билингвов-татар и билингвов-коми-пермяков.

Эта задача требует создания корпуса устных текстов билингвов и монолингвов и сопоставительного анализа речи разных социальных групп носителей русского языка. В настоящее время идет работа по созданию базы данных «Русская устная спонтанная речь Пермского края», которая включает как устные спонтанные тексты монолингвов — носителей региолекта — с разными социальными характеристиками, так и устные спонтанные тексты билингвов (татар и коми-пермяков) на русском языке [Ерофеева, Боронникова, 2012]. По мере накопления материала проводится сопоставительный анализ речи монолингвов и билингвов на фонетическом, лексическом, грамматическом и текстовом уровнях.

Литература

Ерофеева Е. В., Боронникова Н. В. Спонтанная русская речь билингвов в базе данных «Русская устная спонтанная речь Пермского края» // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики: языковой и культурный билингвизм: Матер. межвуз. науч. конф. / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 2012. С. 76—80.

E. V. Erofeeva

Specific features of Perm region Russian spontaneous speech study: linguistic situation

Study of the features of a region speech should be based on an analysis of the linguistic situation in the historical and synchronic aspects. Linguistic situation of Perm region characterized as interlanguage and intralingual interference. At the present day Russian speech in the Perm region is the speech not only Russians but also bilinguals — Komi-Permyaks and Tatars. A large volume of texts and special methods require to describe the Russian language in the conditions. A comparative analysis of monolingual and bilingual speech is carried out at the phonetic, lexical, grammatical and textual levels with accumulation of the material.

Cultural turn и литературное образование

За последний год обострилась дискуссия, имеющая своим предметом т. н. легитимационный кризис литературоведения.

Все чаще можно слышать, что филология в целом и литературоведение как одна из дисциплин филологического цикла стремительно теряют авторитет и социальный статус, т. к. не выдерживают конкуренции на академическом рынке (в том числе конкуренции с соседними общественными науками, такими как философия и антропология, история и социология, психология и педагогика).

Кажется, что наука о литературе не может внятно доказать ни своей совместимости с принципом коммерциализации науки и университета, ни своей социальной актуальности.

Одним из способов преодоления кризиса нам представляется освоение принципов культурологического литературоведения, получивших распространение в западной науке в середине 1990-х гг. и к сегодняшнему дню почти окончательно вытеснивших из университетских программ филологию как отдельную дисциплину.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, методология анализа интердисциплинарных дискурсов, которая, позволяя рассматривать литературно-художественные тексты как инструменты социальной практики, способна обосновать большую инновационную программу модернизации литературоведения и литературного образования.

Применительно к литературному образованию это означало бы самое радикальное обновление всей его методики.

Мы привыкли учить тому, что знаем сами. Сначала наука, потом адаптация (с большей или меньшей степенью упрощения) полученных готовых результатов в учебниках и лекциях. Но учебников и лекций по анализу дискурсов еще не существует, и самих дискурсов еще не существует, их надо создать, сконструировать исходя из актуальных вопросов современной жизни, развернуть из настоящего в прошлое культуры. Следовательно, надо решиться учить тому, чего мы и сами еще не знаем, вовлекая учащихся всех уровней в процесс формирования еще не сложившихся дискурсов. Можно ли перестроить образовательный процесс таким образом, чтобы главной формой обучения стала не трансляция готового знания, а совместное научное творчество? Думается, что дело идет к этому, хотя конкретные формы обучения через практику коллективной научной работы нуждаются в детальном продумывании.

Cultural turn and literary education

The article focuses on the theoretical issues of cultural research in literary studies and their significance for the modernization of philological education.

*О. Ф. Жолобов, д-р филол. наук, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
(Россия)*

О рефлексации *-ti- и *-t-форм глаголов в древнеславянских и древнерусских текстах²

В современных славянских языках употребление словоформ презенса представляет сложную и пеструю картину. Русский язык отличается от всех остальных славянских языков. В большинстве славянских языков в 3-м л. ед. и мн. ч. наст. времени флективный *-t* отсутствует. Его нет во всех западнославянских языках, начиная с самых ранних письменных свидетельств (появившихся, впрочем, довольно поздно). Его нет в южнославянских языках, исключая лишь болгарский. В болгарском флективный *-t* употребляется только в 3-м л. мн. ч. В ранних болгарских источниках последовательно употреблялся *-n]* как в ед., так и во мн. ч. В книжных сербских источниках картина была такой же, с той разницей, что они являются, как правило, одноеровыми и в них выступает *-nm*. В украинском языке нулевые словоформы представлены в 3-м л. ед. I спр., а в остальных случаях сохраняются старые формы на *-ть*. Сходным образом эти формы употребляются и в белорусском.

В польском вместе с тем сохраняется словоформа на *-t jest*, которая соответствует старославянскому *ѣсть*, а в старопольском употреблялась и словоформа *jeść*, которая соответствует др.-рус. и праславянскому **jěstь*. Заметим, что в современном русском языке словоформы данного глагола обособлены, как и в польском. Только данный глагол сохранил мягкость флективного *-ть* в формах 3-го л. *есть* и *суть*, тогда как нормой является твердый флективный *-t*.

В старославянских (или древнеболгарских) источниках последовательно употреблялся флективный *-тъ*. Нулевые формы также встречались, однако, чрезвычайно редко. Тем не менее старославянские вариативные словоформы на *-тъ* и, условно говоря, нуль, без сомнения, могут свидетельствовать об их праславянском возрасте. В среднеболгарских источниках количество нулевых словоформ несколько увеличивается, но все же остается незначительным. См. в Севастиановом сборнике XIII—XIV вв.: *ujyt#yZ*, *ujcz* и др. [Лалева, 2004, с. 280]; в Берлинском сборнике начала XIV в.: *yt nh@, jEtÃ*, *cz ckjExb*, *ujcb*, *7Ãcnfyt*,

² Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00334-а «Комплексное исследование рукописного кодекса раннедревнерусского письма — Троицкого сборника XII—XIII вв. и подготовка интернет-издания»).

бА#]qlt, c]ndjhb, ,Zlt, yt vjuZ, yfxyZ, gjblZ, cjE, tÃcZ и др. [Тасева, Йовчева, 2006, с. 400]. Уже по приведенному перечню примеров заметно, что никаких морфологических ограничений на образование нулевых словоформ здесь нет. Если же иметь в виду то, что стандарты книжного языка создавали барьеры на пути более масштабного отражения словоформ без *-ть*, то ситуация в среднеболгарских источниках, по-видимому, была очень близка древнерусской. Неудивительно, что и судьба нулевых и ненулевых словоформ в болгарском языке и восточнославянских языках довольно схожа.

В связи с этим первостепенное значение получают свидетельства древнерусских источников, которые гораздо более многочисленны и разнообразны по содержанию. В свое время Ф. Ф. Фортунатов связал славянские нулевые словоформы с индоевропейскими формами на *-t*, которые выражали не значение времени, а значение особого наклонения. Он, однако, не указал, какое это наклонение [Фортунатов, 1908]. Нулевые словоформы связаны, как правило, с так называемым общим презенсом или футурумом с нефактивным или потенциальным значением. Наибольшее количество нулевых словоформ наблюдается в полипредикативных цепях с однородными сказуемыми или с морфологически однотипными сказуемыми в сложных предложениях, когда выражаются отношения взаимосвязи или обусловленности предикативных обозначений.

Литература

Лалева Т. Севастияновият сборник в българската ръкописна традиция. София, 2004.

Тасева Л., Йовчева М. Берлински сборник. Среднебългарски книжовен паметник от начало на XIV век с допълнения от други ръкописи / Изд. подг. от Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София; Wien, 2006.

Фортунатов Ф. Ф. Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. № 2.

O. F. Zholobov

On the reflection **-ti-* and **-t-* forms verbs in the Old Slavonic and Old Russian texts

One of the important features of the Old Russian written sources is variability of the third person singular and plural in the Present-Future on *-ть* and without *-ть* (like *гаснетъ* and *гасне, суть* and *су*). It also affects the Aorist and the Imperfect systems. The variability can't be explained by an equal usage of the primary and secondary endings because of its stability and functional determination. As the analysis demonstrates, the *t*-forms reflexes in the Old Russian appear in the multipredicative groups with the morphologically homogeneous and functionally related predicates.

Дескриптивный, прескриптивный и проскриптивный подход при создании орфоэпических словарей

В наше время авторы большинства орфоэпических словарей декларируют стремление описать произносительную «норму во всем многообразии ее проявлений» [ОС]; «зафиксировать реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения» [БОС].

Как при таком подходе сочетать три разных взгляда на орфоэпический материал — *дескриптивный* — описывающий, *прескриптивный* — предписывающий, *проскриптивный* — запрещающий?

Дескриптивный подход требует фиксации всех вариантов произношения и ударения, свойственных речи образованных людей нашего времени, не противоречащих внутренним языковым закономерностям и освященных культурной традицией. Прескриптивный требует отобрать из этого многообразия только то, что может считаться нормативным, образцовым, соотнеся литературные варианты между собой и указав, какое место занимает каждый из них в литературном произношении. Проскриптивный позволяет снабдить запретительными пометами типичные отступления от литературного произношения.

Реализация каждого из этих подходов требует решения определенных задач:

- *дескриптивный* подход — как отобрать носителей языка, чьей орфоэпической компетенции можно доверять; какова мера частотности варианта, позволяющая включить его в орфоэпическую парадигму и др.;
- *прескриптивный* подход — как соотнести между собой варианты с разных точек зрения, например:
 - хронологической соотнесенности (хронологически немаркированные — а[бб]́ат и о́вый: варианты старшей нормы — ли[ф]тёр и допуст. стари. ли[ф']тёр; иначе и допуст. стари); варианты устарелой нормы — [в]ник и допуст. устарелое [в']ник; гна́лся и допуст. устарелое ; варианты младшей нормы — во́[з']ле и допуст. младш. во́[и допуст. младш чит;
 - и допуст. ; творо́г и допуст. твóрог;
 - условий употребления — нейтральная и беглая речь — путеш с[тв]овать, в беглой речи возможно , в беглой речи возможно .;
- *проскриптивный* подход — как ограничить категорически неприемлемое

[з']м) от явлений, которые находятся на грани между нелитературными и новыми нормативными фактами (звóнишь и пр.).

Литература

Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2013.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М., 1989.

M. L. Kalenchuk

Descriptive, prescriptive and proscriptive approaches to problem of creation of orthoepic dictionaries

Distinction between descriptive, prescriptive and proscriptive approaches to the description of pronunciation phenomena can fundamentally change the ideology of the creation of modern orthoepic dictionaries

И. А. Калинин, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Исторический роман Ю. Тынянов: от пролога к эпилогу

Несмотря на то что искусство и история, с точки зрения формалистов, исходят в своем движении из принципа остранения, эстетическое восприятие оказывается своеобразной терапией исторической опыта. В своих исторических романах Тынянов обнаруживает еще более интересную связь между смертью, телесным расчленением и нарративной дефрагментацией, с одной стороны, и литературной традицией, а также континуализирующей инерцией нарратива, которая снова реинтегрирует разъятые элементы в новое целое, наделяя его именем и исторической перспективой, — с другой. Особенно эксплицитно и драматично механизм этой констелляции между смертью, телесной фрагментацией и нарративом Тынянов вводит в романе «Смерть Вазир-Мухтара», которому и будет посвящен доклад.

Ироничная полемика с пушкинским мифом, приобщение к которому обеспечивает бессмертие, сближает текст Тынянова с рефлексивной и репрезентативной логикой барочной драмы (описанной В. Беньямином), согласно которой «аллегоризация природы может быть проведена со всей строгостью только по отношению к трупу. И герои Trauerspiel умирают потому, что только так, как трупы, они могут войти в родную стихию аллегории. Не ради бессмертия они находят свой конец, но ради трупа» [Benjamin, 1977, p. 217]. Согласно этой логике бессмертие героя обеспечивается не благодаря его единству с собственным

творением, а, наоборот, благодаря его собственной смерти, разъятию на части его тела, фрагментации его текста, растащенного на утратившие авторство, аутентичность и память о своем происхождении цитаты и крылатые выражения, пополнившие литературный фонд для дальнейшей нарративной фигурации. Эта циркуляция фрагментов, одновременно стирающая память об источнике и актуализирующая ее, и обеспечивает специфическое литературное бессмертие, имеющее большее отношение к смерти и руине, чем к статичному монументу.

Телесная деформация, реализующая работу истории (убийство Грибоедова), удваивается в попытке исторической реконструкции, в поиске исторической аутентичности (поиск тела русского посла для его захоронения). Но Тынянов идет дальше Шкловского: он не только демонстрирует встречные деформации, производимые историей и историком, но и изображает последнюю именно как текстуализацию тела: «дело не в человеке, дело в имени». Становясь историчным, тело руинизируется и превращается в имя, в текст.

Литература

Benjamin W. The Origin of German Tragic Drama / Tr. J. Osborn. London: Verso, 1977.

I. A. Kalinin

Tynianov's Historical Novel: from Prologue to Epilogue

This presentation concerns to the narrative and tropological mechanisms of Russian Formalists's literary works. Or if to say more precisely it concerns to Tynianov's historical novels, and above all to his novel "Vasir-Mukhtar's Death". I'll be focused on the relationship between allegorical images of body fragmentation and narrative mechanisms of text decomposition as well as on literary devices of reconfiguration of bodies and text.

*Н. М. Карская, д-р филол. наук, Университет
Париж VIII (Франция)*

Проблемы и перспективы преподавания перевода: положение во Франции

Какое место занимает перевод в преподавании искусств и гуманитарных наук? Какова может быть его роль, его польза и формы его преподавания в современном обществе? Чтобы ответить на эти вопросы, мы будем опираться на наш опыт преподавания перевода (с французского на английский и наоборот) в некоторых парижских университетах.

Занимает ли перевод место в преподавании искусств и гуманитарных наук вообще? На первый взгляд ответ кажется отрицательным. Не следует ли поменять порядок слов в вопросе? Переводчик должен иметь точные и широкие знания в той области искусств или гуманитарной науке, в которой он работает, тогда как наоборот — получить знания в искусстве перевода — не кажется релевантным для образования специалиста искусств или гуманитарных наук. Если его владение иностранным языком ему позволяет понимать

тонкости научных текстов, специалист сможет их перевести. К тому же можно думать, что международная роль английского языка как *lingua franca* ставит под вопрос необходимость перевода вообще.

Тем не менее отношение между переводом и преподаванием искусств и гуманитарных наук является диалектическим: нет хорошего перевода без хороших знаний, но без переводов, знаний ведь тоже нет. Искусство и гуманитарные науки не развивались бы без переводов, ведь переводы могут обогатить и менять развитие мыслей в разных областях и, следовательно, их преподавание. Можно действительно подчеркнуть существенную роль перевода в преподавании искусств и гуманитарных наук как осознание различий (лингвистических, исторических, культурных) между языками. Благодаря методу точного анализа текстов перевод в контексте университетского курса приводит к размышлению о значении и разнице в понятиях, связанных с разным временем появления текста и местом его порождения.

Учитывая эту двойственную роль, возникает вопрос: как же французское общество смотрит на перевод и каким является статус письменного переводчика? Тут важно различать художественный перевод, который постепенно становится чуть более видимым, и перевод текстов, связанных с гуманитарными науками. Переводчика часто видят как переписчика, а его работу — как ремесло. Она все еще невидима [Lawrence Venuti, *The Translator's Invisibility*, 1995]: фамилия переводчика редко находится на обложке книги, он часто обязан требовать, чтобы ему заплатили, и бывает, что ему приходится объяснить, насколько важны для качественного результата этапы, следующие после собственно перевода. Современный кризис усугубляет замкнутый круг положения переводчика... Интересно заметить, что сами переводчики иногда бессознательно в этом участвуют, когда снисходительно смотрят на преподавание перевода в университетах как на ненужный или искусственный предмет. Предпочтение практического опыта понятно, но преподавание перевода во французских вузах разнообразно и включает различные методики, которые отличаются по их целям: является ли перевод способом улучшения лингвистических и культурных знаний иностранного языка, или же студенты-дипломники занимаются переводом с профессиональным намерением? Наконец, обучение переводчиков требует осознания проблем, связанных с ИТ: представим несколько методов и способов, которые помогут ответить на поставленные вопросы.

M. N. Karsky

Translation as a contribution to teaching the arts in France

Translation and the arts are seen in a dialectical relation to each other — if knowledge of a given field is crucial to translation, the latter ensures that knowledge is transmitted across place and time. Translation also plays a key role in teaching the arts as it leads to heightened awareness of historical and cultural differences. Yet translators are still invisible in our world and the current economic crisis

contributes to lowering their financial and social status. Might this invisibility be reflected in the different ways translation is taught in France?

*Р. Ф. Касаткина, д-р филол. наук, Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия)*

Консонантные протезы в современной русской речи

Проблему консонантных протез можно отнести к числу «вечных тем» в славистике. В современной русской фонетике тема консонантных протез продолжает быть актуальной. В докладе будут рассмотрены следующие вопросы: 1. О том, какие согласные могут выступать в роли протез в современной русской речи. 2. О возможных причинах появления протетических согласных. 3. О так называемых псевдопротезах.

Протеза — это «добавочный звук в абсолютном начале слова» [ЛЭС, 1990]. «Механизм» возникновения консонантной протезы таков: происходит усиление начальной фазы гласного, что приводит к появлению предшествующего согласного, т. е. имеет место антиципация гласного. Это соответствует требованию закона сильного начала слова в славянских языках. Имеются и некоторые другие фонетические свидетельства действия этого закона. На сегментном уровне спорадически отмечаются случаи оглушения инициальных звонких согласных (*работа* [ф]ысшей *пробы*; *усилия* [т']ипломатии; *сотрудники* [к]алереи; *отмена* [с]акона). На просодическом уровне возможно усиление интенсивности и длительности первого слога многосложного слова в определенных фразовых позициях.

Этимологические инициальные согласные, совпадающие с согласными из списка протез, могут приниматься говорящими за протезы. Это псевдопротезы. В таких случаях инициальные согласные могут редуцироваться до нуля или варьироваться с настоящими протезами. В русском языке существуют варианты: *господи*, *уосподи*, *хосподи*, *восподи*, *осподи*; во многих русских говорах находим наряду с *государь*, *государство* также и *восударь*, *осударь*, *восударство*, *осударство*. В архангельских говорах отмечено *еранда*, *ербовать*, *ерлог* вместо *веранда*, *вербовать*, *верлог*, *берлог*.

R. F. Kasatkina

Consonant protheses in modern Russian speech

The role of protheses in modern Russian speech can be played by [v, v', w, w', j, x, v', h]. The mechanism of a consonant protheses appearance is as follows: the initial phase of a vowel is amplified, which leads to the emergence of a preceding consonant. This is in agreement with the law of strong word beginning in Slavic languages. Pseudoprotheses are etymological consonants before a vowel at the beginning of a word, which are considered by speakers as protheses.

К истории типов яканья и фонемы /ѣ/ в русском языке

1. В русских говорах обнаруживаются все новые и новые явления, проливающие свет на исторические процессы прошлого. Важную роль в этом играют говоры старообрядцев, особенно тех, которые находятся за пределами России и лучше, чем русские нестарообрядческие говоры в пределах страны, сохраняют старые языковые черты.

2. В старообрядческом говоре села Пилипы-Хребтиевские Ново-Ушицкого р-на Хмельницкой обл. Украины на месте гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слогомосальский (витебский) тип диссимильятивного яканья.

3. Суджанский, мосальский и щигровский типы диссимильятивного яканья возникли на основе жиздринского в результате ассимиляции предударного гласного [ʼа] ударному гласному [е]. Следствием этой ассимиляции было изменение предударного [ʼа] в [ʼе], позднее изменившийся в [и].

4. Мосальский тип мог формироваться двумя путями. Он мог возникнуть из жиздринского типа чисто фонетическим путем и из суджанского в результате действия аналогии.

5. В говоре Пилипов-Хребтиевских произносится [и] перед ударным [е] из бывшей /ѣ/ в середине слова и [ʼа] перед [е] из /ѣ/ в конечном открытом слогом слова. Этот слог в русских говорах и в литературном языке отличается повышенной длительностью по сравнению со слогами в начале и середине слова, а в говоре Пилипов-Хребтиевских значительно повышенной, он здесь сравним с сильной фразовой позицией, в нем произношение особого звука на месте /ѣ/ сохранялось дольше, чем в других позициях в слове. Формирование мосальского типа яканья в говоре предков жителей Пилипов-Хребтиевских происходило в эпоху, когда /ѣ/ в середине слова уже совпала с /е/, а в конечном открытом слогом еще могла реализоваться особым звуком.

Об этом этапе истории /ѣ/ свидетельствуют памятники письменности XVII в. с территории Юго-Западной диалектной зоны.

Произношение [ʼа] перед слогаом с ударным [е] из /ѣ/ в щигровском типе яканья (при [и] перед слогаом с ударным [е] из /е/) свидетельствует о том, что этот тип возник в тех говорах, где он встречается, еще тогда, когда /ѣ/ в этих говорах сохранялась и в середине, и в конце слов. Поэтому либо следует считать, что щигровский тип более древний, чем суджанский и мосальский, либо, скорее всего, утрата /ѣ/ и совпадение ее с /е/ на разных русских территориях происходила в разное время: на территории распространения суджанского типа она произошла ранее всего, в говорах с мосальским типом несколько позднее, а на территории распространения щигровского типа еще позднее.

Такое решение подтверждается и территориальным распространением этих типов: Самый западный тип — жиздринский, где не возникла ассимиляция предударного [ʼa] после мягких согласных ударному [e]. Восточнее него расположена территория суджанского типа, еще восточнее — щигровского, а к востоку от него находятся говоры с т. н. архаическим типом, в которых и до настоящего времени отмечается различие /e/ и /ѣ/. Таким образом, утрата различия /e/ и /ѣ/ в южнорусских говорах возникла на крайнем западе, в говорах к востоку от них — позднее, а еще восточнее — еще позднее.

6. Произношение [ʼa] в предударном слоге перед слогом с ударным [o] из /o/ и из /ω/ в этих типах может свидетельствовать о том, что в эпоху их формирования фонемы /o/ и /ω/ уже не различались в этих говорах.

L. L. Kasatkin

To the history of jakanye types and the /ѣ/ phoneme in Russian

Sudjansk, Mosalsk, and Shchigrovsk types of dissimilative jakanye developed from the Zhizdrinsk jakanye as a result of the pre-stress vowel [ʼa] assimilation to the stressed vowel [e]. The Mosalsk type was formed from the Zhizdrinsk one in a phonetic way and from the Sudjansk one, by analogy. The distinction between /e/ and /ѣ/ in Western South-Russian dialects was lost first in the middle of a word and later in the final open syllable. The loss of /ѣ/ within the territory of the Sudjansk type jakanye was the earliest; somewhat later it happened with the Mosalsk type jakanye dialects, and yet later, within the Shchigrovsk type jakanye territory.

В. Б. Касевич, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Либеральное образование и буддизм

Либеральное образование обычно ассоциируется с «западными» традициями — в частности персоналистскими, которые в центр внимания помещают личность и ее максимальное самовыражение. Соотношение с буддийской традицией с этой точки зрения как будто бы не рассматривалось (если не считать обнаружения в буддизме определенных параллелей со средневековой схоластикой, как христианской, так и мусульманской или иудаистской). Буддизм, с его недоверием к слову, кажется априори «плохим» кандидатом для сопоставления с идеями либерализма в образовании, где гуманитарной компоненте — в конечном счете тексту — принадлежит весьма заметное место. Между тем значимые схождения между указанными концептуальными сферами — идеологией либерального образования и буддизмом — несомненно имеются.

В первую очередь это относится к месту и роли индивидуума в процессе достижения поставленных целей. В буддизме, особенно хинаянистского толка, достижение нирваны,

выступающей как сотериологическая цель, полностью зависит от индивидуальной кармы живого существа, от его усилий улучшить эту карму. Будда лишь указывает путь к спасению. При этом подлинное сотериологическое знание вырабатывается самим адептом: приобщение к такому знанию начинается с постижения Четырех Благодородных Истин, Благодородного Восьмеричного Пути и завершается им же, но только «пропущенным через себя». Нетрудно в этих формулировках увидеть сходство с идеями либерального образования — с его упором на индивидуализацию обучения и «равновесность» вкладов преподавателя и студента.

Среди философских течений, повлиявших на формирование философии либерального образования, стоит отметить прагматизм, особенно в варианте Дж. Дьюи. Для прагматизма Дьюи, или инструментализма, характерен подход к истине как уменьшению неопределенности в мире и замене ее определенностью. Неопределенность толкуется как характеристика ситуации, переживаемой индивидуумом, установление истины есть снятие этой неопределенности благодаря деятельности активного интеллекта. Истиной является то, что отвечает уменьшению неопределенности. Основной критерий истинности — это практическая эффективность в снятии неопределенности. В образовании главное — «воспитание и обучение посредством делания».

Здесь также есть основания находить перекличку с идеями буддизма. Главное здесь — отношение к истине. Для буддизма типичен прагматический (он же в буддийском контексте сотериологический) подход к истине: истинно все то, что способствует улучшению кармы, индивидуальной и коллективной (если последняя признается). Другая точка соприкосновения — роль наставника и избираемая им тактика. Наставник в типичном случае не столько обучает, сколько воздействует «посредством делания»; такое «делание» не обязательно непосредственно нацелено на приобщение к сотериологическому знанию — оно может вести к успеху косвенным путем, в частности путем подготовки психики адепта к восприятию соответствующих положений.

V. B. Kasevich

Liberal education and buddhism

Liberal education is commonly perceived as a typically Western project. From this point of view, liberal education and Buddhism must be worlds apart. Yet there are a number of interesting points that make a comparison of the two worthwhile. First, both (Hīnayāna) Buddhism and liberal education emphasize the role of individual efforts in attaining the goal, although the goals are quite different. Second, the Buddha's treatment of Truth seems to be remarkably close to that of John Dewey's who has contributed much to shaping the ideas of liberal education. As a matter of fact, for both intellectual traditions truth is nothing more than what works in practice, although, again, for Buddhism, soteriological practice is meant.

В. К. Лебедев, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия)

Топонимы, оканчивающиеся на -ово(-ево), -ино(-ыно), в произведениях и письмах русских писателей

Уже много лет идут споры о том, нужно ли склонять топонимы, оканчивающиеся на -ово(-ево), -ино(-ыно). Отказ от склонения — это порча языка, утверждают одни. Склонение — анахронизм, парируют другие. Несклоняемый вариант изначально единственно верный, убеждены третьи. Рассмотрим, как поступали с такими топонимами писатели: *Страна по имени Горюхиным называемая* (А. С. Пушкин); *Скромно в Колпине спасался* (В. А. Жуковский); *Я принялся жить, когда вышел на свет, за околицу Путилова* (В. И. Даль); *Разбитый параличом, старый князь три недели лежал в Богучарове* (Л. Н. Толстой). Так было в XIX в. В первой половине XX в. все осталось по-прежнему: *Разве мальчик, в Останкине летом танцевавший на дачных балах, — это я* (В. Ходасевич); *Там в Путилове, в Колпине грохот* (П. Антокольский); *Она яблоками и семечками торгует в Лигове на вокзале* (М. Зощенко). С середины XX в. картина становится пестрой. Н. Заболоцкий: *В Переделкине дача стояла*; Ф. Абрамов: *Таких денег в Пекашине никто и в глаза не видал*; А. Вознесенский: *В Переделкине не было склочности*; А. Битов: *В Переделкине весь пейзаж «выпит» Пастернаком*; И. Волгин: *Письма из Переделкина*; Е. Евтушенко: *Так вышло, что живу я в Переделкино*; О. Митяев: *В доме в Переделкино отключили свет*; В. Боков: *Стихи из Переделкино*; Н. Вирта: *Родом из Переделкино*; Э. Успенский: *Зима в Простоквашино*.

Интересны два не связанных между собой, но примечательных факта. В XIX в. творительный падеж единственного числа рассматриваемых топонимов употреблялся с окончанием -ым, однако А. С. Пушкин в «Истории села Горюхина» вопреки норме написал -ом: «Граничит с деревнями Дериуховом и Перкуховом». Поскольку в других вариантах текста также сохраняется -ом, трудно заподозрить здесь опisku. Рискнем предположить: поэт интуитивно почувствовал, что через некоторое время (пусть даже и через сто с лишним лет) такое написание станет нормой. Однако он, вероятно, не мог тогда и подумать, что позднее спор пойдет о том, нужно ли вообще склонять подобные топонимы. Обратимся к второму факту. 7 октября 1963 г. А. И. Солженицын писал К. И. Чуковскому: «За приглашение побывать в Переделкино несколько дней — благодарю». Наименование поселка в других его письмах склоняется: «Как могли Вы даже подумать, что мне „не понравилось в Переделкине“»; «Я Вас найду, когда следующий раз мои пути доведут меня до Переделкина». Не исключено, что в письме от 7 октября 1963 г. допущена описка, но тогда это описка по Фрейду. Такие вот бывают догадки и описки у гениев...

Анализ употребления писателями топонимов, оканчивающихся на -ово(-ево), -ино (-ыно), убеждает, что нельзя торопиться с однозначными утверждениями, а рассмотрение их

функционирования в других текстах в совокупности факторов, отмеченных в работах [Граудина, 1981; Пахомов; Шкапа] и других исследователей, приводит к выводу, что следует признать нормативными как склоняемые, так и несклоняемые формы.

Литература

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Пахомов В. М. В Простоквашино или в Простоквашине. URL: gramota.ru> Класс>Азбучные истины>В Простоквашино или в ...

Шкапа М. В. Склонение топонимов на -ово(-ево), -ино(-ино) // Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ. URL: [studiorum.ruscorpora.ru>stylistics/evo-ino.html](http://studiorum.ruscorpora.ru/stylistics/evo-ino.html)

V. K. Lebedev

Toponims ending in -ovo(-evo), -ino(-yno) in the works and letters of Russian writers

The changes in the declension toponims in the texts of Russian writers from the beginning of XIX century to the present day are studied in the artical.

*A. С. Лобский, лицензиат философии,
Университет Ювяскюля (Финляндия)*

Лингводидактический потенциал мультипликационных фильмов в обучении русскому языку как иностранному

Сегодня современная культура как никогда раньше ориентирована на визуальные каналы восприятия. Мультипликация из некогда периферийного явления кинематографа превратилась в самостоятельную область искусства и привлекает к себе все более пристальное внимание. Поэтому в процессе преподавания русского языка как иностранного мультипликационные фильмы должны занять особое место. По сравнению с игровым кино анимационные фильмы более понятны иностранным студентам, легче пересекают культурные границы, на место персонажей гораздо проще удастся «подставить» типажи своей собственной культуры. Причина в том, что мультфильм, в отличие от игрового кино, оперирует обобщенными образами, «оперирует знаками знаков, то, что проплывает перед зрителем на экране, представляет собой изображение изображения» [Лотман, 1992, с. 324]. Благодаря своей универсальности мультфильм может служить вспомогательным материалом на различных занятиях по русскому языку (на курсах грамматики, разговорной практики, стилистики и т. д.). Мультфильм чаще всего представляет собой короткий жанр и может быть продемонстрирован на занятии целиком.

Исследователь Н. Кривуля выделяет три различных направления в анимационном искусстве: американское, европейское и отечественное. Американская анимация обусловлена приоритетом визуального начала, европейская анимация тяготеет к

повествовательной форме, тогда как российский аниматограф ориентирован в первую очередь на решение просветительских и воспитательных задач и только потом воспринимается как средство развлечения [Кривуля, 2012]. То есть дидактический, просветительский потенциал заложен в отечественном кинематографе изначально.

В своей статье мы остановимся лишь на одном аспекте, а именно на рассмотрении лингводидактических возможностей применения советских мультипликационных фильмов. Востребованность этих мультфильмов сегодня позволяет включить их в ряд бесспорных достижений русской культуры. Многие советские мультфильмы (*Винни-Пух*, *Ежик в тумане*, *38 попугаев*, *Чебурашка*) озвучены профессиональными актерами театра и кино (А. Баталов, Е. Леонов, В. Ливанов и др.), что также подтверждает их высокий художественный уровень. Но главная особенность, главный «педагогический» плюс многих старых мультфильмов — это паузы, «пространство» для обдумывания, восприятия полученной информации и переживания эмоций (мультфильм *Ежик в тумане* является здесь ярчайшим примером). Медленная речь, неспешное развитие сюжета делают «старые добрые мультфильмы» (в основном это мультфильмы 60—80-х гг. прошлого века) прекрасным учебным материалом для студентов-иностранцев. И наоборот, современные мультфильмы (например, *Маша и медведь*, *Смешарики*), несмотря на их занимательность, забавность и актуальность, трудны для использования в иностранной аудитории именно из-за обилия текста, слишком высокой скорости речи персонажей, быстрой смены кадров, визуальной перенасыщенности.

Литература

Кривуля Н. Г. Аниматология. Эволюция мировых аниматографий: В 2 ч. Ч. 1. М., 2012.

Лотман Ю. М. О языке мультипликационных фильмов // Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 323—325.

A. Lobski

The didactic capacity of animated films in Russian language teaching

Animated films are useful in foreign language teaching. They are more international than other types of films, and often shorter. Animated films are easy to understand and short films can be shown during the lesson from beginning to end. Unlike in American and European animation, one important purpose of Russian animated films has traditionally been to educate. This means that from the very beginning, Russian animation has had didactic capacity. The present article discusses mainly Soviet animation and its use in teaching.

Коми язык в меняющемся мире: статус, функционирование, проблемы сохранения и развития

1. Коми проживают в РК, расположенной на европейском севере-востоке РФ. Коми язык относится к финно-угорской семье языков.

2. Письменность на коми языке была создана в XIV в.

3. В целях развития и исследования коми языка много было сделано в XIX в.

4. Литературная форма особенно интенсивно развивается 20-е гг. XX в. Тогда были разработаны языковые нормы, создана терминологическая база, введено преподавание коми языка в школах, создана учебная литература и т. д. Коми язык впервые стал функционировать во всех сферах жизни.

5. Новый импульс развитию коми языка был дан в конце XX в. Демократические преобразования общества, коренные перемены в общественно-политическом строе, национальной политики в РФ нашли отражение и в языковой сфере. В 1992 г. был принят «Закон о государственных языках Республики Коми», в соответствии с которым коми язык получил статус государственного. Вопросы совершенствования и развития литературного языка были выдвинуты в число самых актуальных и приоритетных, поскольку новая языковая политика предполагала расширение сфер использования коми языка.

6. Коми язык развивается и функционирует и в наши дни. Однако в жизни коми языка наблюдается другая картина.

Сегодня социальная жизнь, социальные, политические и экономические отношения, демографическая ситуация стремительно изменяются. Эти изменения, а также процессы глобализации оказывают существенное влияние на условия функционирования и развития языков народов меньшинств. Это хорошо видно на примере коми языка.

В эпоху экономической, политической, культурной глобализации наблюдается сильное влияние коммуникативно более мощных языков на языки меньшинств, усиливается неравенство между языками, которое отмечалось и в предшествующие периоды.

В социально-экономических условиях XXI в. существенно изменяется демографическая ситуация, сокращается численность коми, что влияет на функционирование и развитие языка.

Реальной угрозой самобытности коми языка становится урбанизация, характерная для нашего времени.

В меняющемся мире падает роль школы, т. к. сокращаются часы коми языка, уменьшается число школ с преподаванием коми языка как родного. Сокращается доля национальных СМИ, количество издаваемой художественной литературы, которые

представляют собой одну из важнейших сфер функционирования литературного языка, одну из основных средств его распространения.

Коми язык практически не работает во властных структурах, политической сфере, что является одним из главных препятствий роста социально-политического статуса коми языка.

Современная языковая ситуация в РК характеризуется низким уровнем функционирования коми языка во всех социальных сферах, что не может не сказаться на дальнейшем его развитии. Престиж и статус коми языка падают.

Принятие того или закона само по себе не гарантирует существенных положительных сдвигов в деле изменения языковой ситуации. Необходимо создание действенного механизма его реализации, его финансовое обеспечение.

Любой язык должен быть признан обществом и государством, должны быть предоставлены условия для функционирования и развития. Каждый язык, в том числе и коми, представляет ценность в истории человечества, и каждый язык должен быть сохранен, однако без помощи государства язык сохранить и развивать невысказано.

V. M. Ludykova

Komi language in the changing world: status, functioning, preservation and development problems

The report deals with the problems of preservation, development and the status of the Komi language. The main attention is paid to problems of functioning of the Komi language as an official one and the reasons of its limited use in social spheres. The correlation between changes in public life and changes in conditions of functioning and development of the Komi language is defined.

Н. Г. Мед, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Языковая игра на фоне экономического кризиса (на материале испанского языка)

Одной из основных функций языковой игры, выделяемых исследователями, наряду с языкотворческой, экспрессивной, развлекательной, маскировочной и психотерапевтической, является функция дискредитации, состоящая в выражении негативно-оценочного отношения к объекту языковой игры. Таким объектом языковой креативности испанцев стал экономический кризис в Испании, вызывающий протестные настроения в связи с политикой правительства Мариано Рахоя, направленной на сокращение бюджетных расходов и ведущей к повышению налогов, сокращению зарплат госслужащих, безработице и отказу от многих социальных программ. Социальное недовольство населения проявляется не только в многочисленных демонстрациях, митингах и забастовках, но и в языкотворчестве, целью которого становится сатирическое осмеивание экономического курса правительства, отдельных государственных деятелей и организаций. Рассуждая о смеховой культуре, В. Я.

Пропп подчеркивал, что «вся огромнейшая область сатиры основана на смехе насмешливом» [Пропп, 2006, с. 16]. Насмешливый смех, получающий свое отражение в языковой игре, относится не только к сфере комического, но также является важным оценочным механизмом, характеризующим общественное сознание.

Проведенный нами анализ языкового материала испанских веб-сайтов под названиями «Imagina un país en el que...» («Представь себе страну, в которой...») и «Nuevo refranero español» («Новый испанский сборник пословиц») позволил нам остановиться на двух видах языковой игры: 1. Имя собственное в каламбурах. 2. Трансформация прецедентных текстов. Известно, что антропонимы выполняют в языке прежде всего номинативно-опознавательную функцию. Однако в прагматических условиях контекста имя собственное может приобретать различные языковые коннотации, обусловленные индивидуальными или коллективными ассоциациями говорящих либо в связи со звуковой оболочкой того или иного имени, либо с его внутренней формой, либо с фоновыми знаниями.

Трансформации прецедентных текстов, представленных пословицами, включают комические ситуации со следующими объектами языковой игры, вовлеченными в понятие «экономический кризис»: 1. Государственные деятели (испанские и иностранные), считающиеся виновными в кризисе. 2. Государственные организации (испанские и иностранные), ответственные за кризис. 3. Простые испанцы, страдающие от экономического кризиса. 4. Реалии экономического кризиса. Наиболее распространенными приемами трансформации пословиц в исследованном материале являются лексические замены или добавления одного или нескольких компонентов при сохранении синтаксической структуры.

Литература

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 2006.

N. G. Med

Wordplay against the background of economic crisis (on the spanish language material)

The report is dedicated to the wordplay phenomena as a way to express Spaniard's negative evaluating attitude to the economic crisis. Two types of wordplay are being described: 1. proper name in puns; 2. precedent text transformation. Transformation of such precedent texts as proverbs includes comic situations with the different wordplay objects involved into "economic crisis" concept. Lexical replacements and word additions are the most common methods of proverb transformation in the examined material.

Е. Н. Мещерская, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Богородица и Соломон. Формирование прообразовательной традиции

В основу доклада положено исследование сирийской версии апокрифа «Погребение Владычицы Марии», который признается одним из древнейших текстологических свидетельств о кончине Девы Марии. О древности текста среди прочих аргументов свидетельствует и объединение в нем единой сюжетной нитью ветхозаветных и новозаветных апокрифических рассказов. Один из таких ветхозаветных апокрифов, использованных в повествовании, — «Завещание Соломона». Возможно, именно такое соединение текстов, совершенное уже в древности (III—IV вв.), является начальным звеном в цепи преобразования идеологемы ветхозаветной Премудрости, выразителем которой является Соломон, в разветвленную традицию христианских представлений о Богородице. Основой ее стала символическая триада София — Мария — Церковь. Именно такой христианский символический ряд получит развитие и разнообразное применение в эпоху Средневековья. Он широко представлен не только в произведениях христианской литературы, но в иконографии и архитектуре.

E. N. Mescherskaya

Solomon and the Virgin Mary. Forming symbolic Christian Tradition

The report analyses the Syrian version of the Apocrypha “The Obsequies of the Holy Virgin”, which included some fragments of “The Testament of Solomon”. Perhaps, this text is the first link in the chain of ideological transformation of the Old Testament Wisdom, a spokesman of which is Solomon, in the Christian symbolic triad of Sofia — Maria — Church.

А. Мустайоки, проф., Хельсинкский университет (Финляндия)

Побуждение в рамках функционального синтаксиса русского языка

Согласно теории функционального синтаксиса, Побуждение, наряду с Сообщением, Вопросом, Провозглашением и Речевым этикетом, является разновидностью Речевых функций [Мустайоки, 2006]. Речевая функция считается обязательным модификатором ядерной семантической структуры [P], поэтому в любом высказывании она эксплицитно или имплицитно выражается. Семантическую структуру с Побуждением можно изобразить в виде схемы:

{(Func = ПОБУЖДАТЬ; S_{Func}, R_{Func}) [P]},

где Говорящий, Субъект (S_{Func}), обращается со своим Побуждением к другому лицу (другим лицам), Реципиенту Побуждения (R_{Func}), иными словами: « S_{Func} говорит, потому что хочет, чтобы R_{Func} сделал / не делал [P]».

Выделяется шесть разновидностей Побуждения: Просьба, Совет, Предложение, Требование, Разрешение, Запрет.

В русском, как и в других языках, Побуждение выражается на редкость широким спектром разных языковых средств, эксплицитных и имплицитных. К эксплицитным, прямым, способам относятся, в частности: глагольная форма в повелительном наклонении (1), т. н. перформативное употребление глаголов побуждения (2), инфинитивные конструкции (3), употребление существительных с семантикой побуждения (4—5), интонационно выделенные восклицательные предложения (6). Это достаточно очевидные случаи, хотя и в них можно наблюдать необычные с точки зрения семантики случаи (см., например, 7).

- (1) *Зайди / зайдите к декану.*
- (2) *Приглашаю / приглашаем всех на годовщину нашего отделения.*
- (3) *Спать! / Свистать всех наверх! / Поднять паруса!*
- (4) *Выполни мою последнюю просьбу: брось ты его и забудь!*
- (5) *Дам вам добрый совет: бросьте вы эту затаю. (ср.: Советую Вам бросить эту затаю.)*
- (6) *Врач! Бегом! Стоп!*
- (7) *Поступи в университет* (\approx «Подготовься к приемным экзаменам и участвуй в них», «Постарайся поступить в университет»).

К непрямым способам выражения Побуждения относятся Вопрос (8), нередко сопровождающийся модальным глаголом (9); предложения в неопределенно-личной форме (10) или во 2-м лице мн. числа (11); предложения с глаголами будущего (12) и прошедшего времени с особой интонацией (13).

- (8) *Ты (не) зайдешь завтра к нам?*
- (9) *Не могли бы вы зайти ко мне после обеда?*
- (10) *Здесь не курят.* («Не кури(те) здесь».)
- (11) *Открываем / откроем тетради, пишем / запишем число и тему урока.*
- (12) *Завтра ты пойдешь к бабушке, поможешь по дому и сходишь в магазин.*
- (13) *Вышли из класса!*

Намеки являются имплицитным способом выражения Побуждения. Существуют разные типы намеков. Так, в (14) в виде мнения как намек на Побуждение выражается Совет, в (15) в виде вопроса — Предложение и Просьба. Как показывают примеры, они могут иметь весьма разные оттенки и тональности (16).

- (14) *Я бы на вашем месте забыл про такие пустяки.* (≈ «Забудьте...»)
(15) *Не сделать ли нам перерыв?* (≈ «Сделаем...»)
Ты зайдешь по пути к бабушке? (≈ «Зайди...»)
(16) *Если хочешь, можешь накрывать стол.* (≈ «Прошу накрыть стол».)

Распространенным способом выражения Побуждения является ссылка на модальные обстоятельства или авторитет в функции Требования, Разрешения или Запрета (17—19).

- (17) *Здесь нельзя ездить на мотоцикле.* (≈ «Не ездите...»)
(18) *Шеф велел вам закончить работу к понедельнику.* (≈ «Закончите...»)
(19) *В инструкции пишется, что надо сначала выключить свет.* (≈ «Выключи...»)

Как Побуждение к действию может быть истолкована и простая констатация факта, при этом особенно важна функция контекста (20—25).

- (20) *Вы стоите на моей ноге.* (≈ «Сойдите...»)
(21) [Докладчику] *Не слышно!* (≈ «Говорите погромче»)
(22) *Хлеб кончился / чая нет / в холодильнике нет масла / спичек нет.* (≈ «Купи...»)
(23) *На улице холодно.* (≈ «Оденься потеплее / надень шапку...»)
(24) *Наш телевизор скоро сломается.* (≈ «Купи(м) новый».)
(25) *Там на столе свежая газета.* (≈ «Возьмите газету, если хотите».)

Литература

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

A. Mustajoki

Request as an element of a functional syntax of Russian

Functional syntax (or grammar) is understood here as a description model which is based on the principle “from meaning to form”. “Meaning” consists of a nuclear structure (dictum, proposition) and some obligatory or optional features added to it by the speaker. An obligatory modifier of any phrase is Speech function, Request being one of them. As in any language, there are in Russian a great variety of

direct and indirect structural tools to express Request. In addition to that Request is often expressed by rather covert means.

*Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, Белорусский
государственный университет (Республика
Беларусь)*

Парадигма и словоформа

Слово существует в сознании носителя языка и реализуется в речи через совокупность своих форм (словоформ), т. е. через словоизменительную парадигму. Словоформа тем самым является одновременно носителем двух типов значений — лексического и грамматического. Все словоформы в равной мере репрезентируют лексическое значение слова. Однако полнота парадигмы — это скорее идеальная или виртуальная ее характеристика. На практике же множество русских существительных таким признаком не обладают. «Дефектный» набор словоформ конкретного слова проецируется на систему словоизменения целого класса слов, и это дает основания говорить о неполной парадигме. В каких-то случаях она есть проявление языковых «прихотей», в других — имеет под собой глубинные основания, связанные с взаимоотношениями двух сторон языкового знака.

В частности, в качестве диагностирующего признака, разграничивающего различные значения слова, нередко выступает полнота/неполнота числовой парадигмы. Это касается большого количества русских существительных, таких как *долг, право, взгляд, юг, север, обстоятельство, сладость, соль, сок, мех, мозг, чтение, метание, выражение, час* и др.

Стоит также обратить внимание на использование наименований, содержащих в себе качественно-оценочный компонент, чтобы убедиться, что есть целый ряд слов, употребляющихся исключительно в особых синтаксических ролях. На эту проблему первым обратил внимание В. В. Виноградов, который среди типов лексического значения слова выделял особое — «синтаксически обусловленное» — значение у таких лексем, как *петух* или *(не) жилец*. Затем идея В. В. Виноградова была развита А. Вежбицкой, показавшей, что оценочные наименования могут быть инородными элементами в структуре высказывания, если за ними стоит иная пропозиция (т. е. говорящим «цитируется» иная фраза).

Если в лексическом плане все словоформы равноправны, то сказать о них так же в грамматическом плане нельзя. Дело в том, что словоформы разнятся своей функциональной нагрузкой в речи. Скажем, русское слово *острастка* встречается в текстах в разных падежах и употребляется со многими предлогами. Но, по данным Национального корпуса русского языка, львиную долю вхождений составляют словоформы с целевым значением: *для острастки* и *ради острастки*. В сумме они дают примерно 2/3 словоупотреблений.

Общий вывод заключается в том, что словам свойственно «привязываться» к определенному набору форм, формирующему их грамматический «профиль».

Прототипическая синтаксическая роль создает у словоформы иллюзию самостоятельности и независимости от парадигмы.

«Отрыв» словоформы от своей парадигмы, превращение в отдельную единицу словаря называется лексикализацией. Но суть этого процесса не только в том, что в сознании носителя языка происходит привязка слова к одному из его речевых вариантов, но и в том, что словоформа по-своему «монополизирует» данное лексическое значение. Иными словами, синтаксически активная словоформа, стремясь к определенной автономии в речедетельностном плане, может нарушить «конвенцию» — выйти из границ заданного лексического значения.

B. Ju. Norman

Paradigm and word form

Inflexional paradigm is a psychological reality for a native speaker. All word forms equally represent the lexical meaning of the word. However the completeness of the paradigm is a relative and virtual phenomenon. Particularly, many nouns are likely to “attach” to some set of forms, which is their grammatical “profile”. Prototype syntactic role makes an illusion of independence of the word form from the paradigm. This is the essence of the process of the lexicalisation.

*A. Памиес-Бертран, д-р филологии,
Университет г. Гранада (Испания)*

Por la boca muere el pez: метафора «амфибия» в лексике и фразеологии

Изучение переносных наименований рыб показывает, что наши представления о водном мире связаны с нашим опытом жизни на суше, поскольку речь идет о метафорах со сферами — источниками, относящимися к животным, обитающим на суше, к птицам, растениям или их плодам, к человеку, местам его проживания, профессиям, предметному миру, созданному человеком, а также к физическому миру (солнце, луна, звезды) и т. д. [Ramies, 2010]. С другой стороны, фразеология и паремиология доказывают обратимость подобного рода ассоциаций, вопреки выдвинутому Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (1980) тезису об однонаправленной метафорической проекции между конкретными и прозрачными сферами — источниками и менее определенными концептуальными доменами — целями [Gibbs, 1999, p. 45]. Испанские фраземы часто нарушают данную проекцию, поскольку во многих случаях ихтиологическая фауна служит сферой-источником и проецируется на наземный мир, концептуализируя самые разнообразны явления.

Обращение к другим языкам доказывает справедливость данного утверждения не только применительно к испанскому языку. Так, например, рыбе средиземноморский долгопер биологи дали название *Dactylopterus volitans* посредством орнитологической метафоры. Схожие народные названия эта рыба получила во многих языках, меняется только

наименование птицы: исп. *pez golondrina* (рыба-ласточка), катал. *peix xoriguer* (рыба-пустельга), франц. *poule de mer* (букв. морская курица), итал. *pesce civetta* (букв. сова), нем. *Flughahn* (букв. летающий петух). Основной семой здесь является размер ее плавательных придатков, которые в испанском языке именуется как *aletas* (букв. крылья; перен. плавники), т. е. речь идет о той же орнитологической метафоре, но применяемой к любому виду рыб.

В других случаях переносные наименования, связанные с водной фауной, во многих языках совпадают при их применении к другим концептуальным доменам. Это, например, ассоциации между образом рыбы, попавшейся на крючок, и неосторожностью болтливых людей: исп. *por la boca muere el pez*, порт. *peixe morre pela boca* (букв. рыба умирает ртом; перен. язык мой — враг мой); англ. *a fish is caught by its mouth*; и т. д. (букв. рыба ловится ртом; перен. язык мой — враг мой).

Сравнительно-сопоставительный подход к данному явлению также показывает, что наряду с частыми межъязыковыми метафорическими совпадениями родового понятия «рыба» наблюдается большое число фразеологических несоответствий между видовыми названиями (осьминог, треска, сардина, лещ, рак...). Можно отметить даже замены во фразеологических моделях, связанных с малой значимостью наиболее дешевых пород рыб. Например, в Западной Европе наименование сардины используется для обозначения скопления людей в общественном транспорте (исп. *como sardinas en lata*; франц. *serrés comme des sardines*; англ. *packed like sardines*), а в русском языке в качестве культурного эквивалента используется селедка (как сельди в бочке).

Литература

- Gibbs R. W. Researching Metaphor // Cameron L. & Low G. (eds.). Researching and Applying Metaphor. Cambridge University Press, 1999.
- Pamies A. El componente (inter)cultural en la metáfora: el caso de la ictionimia // Crida Álvarez C. (ed.). Fraseo- paremiología e interculturalidad. Atenas: Ta Kalos Keimena, 2010. P. 33—53.
- Pamies A. [en prensa] A árvore e o peixe na linguagem figurada e na visão lingüística do mundo. Fifth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs (ICP11) Tavira (Portugal), 2011.

A. Pamies-Bertrán

A fish is caught by its mouth: the “amphibious” metaphor in lexicon and phraseology

The study of figurative fish names shows that our vision of the marine universe is built “through” our experience of the terrestrial environment, since it is essentially based on metaphors whose source domains include terrestrial and flying animals, plants or fruits, human features (as professions or artifacts produced by man), the sun, the moon, the stars, etc. On the other hand, phraseology and paremiology demonstrate the reversibility of these associations of ideas, contrary to the unidirectional cross-conceptual path stated by Lakoff & Johnson from emerging source domains towards not directly accessible target domains (Gibbs). The Spanish phrasemes turn upside down this path in many expressions where marine

fauna is the source domain mapped on the terrestrial target domain. A brief overview to other languages confirms that this phenomenon is not specific for Spanish.

М. О. Рубинс, д-р филол. наук, Лондонский университет (Великобритания)

Ассимиляция как литературная стратегия: писатели русского Парижа в контексте транснациональной теории

Теория транснационализма, первоначально сформулированная на стыке таких дисциплин, как антропология, социология и политология, в последние годы оказывается все более релевантной для культурологии и литературоведения в связи с интенсификацией миграционных процессов среди писателей и интеллектуальной элиты. Опыт миграции, ассимиляции, пересоздания себя в ином культурном и лингвистическом контексте проблематизирует традиционные классификации писателей (и литератур) по мононациональному признаку, вскрывает относительность и произвольность национального нарратива и литературного канона, делает сами национальные границы подвижными и проницаемыми. Транснациональная теория оперирует такими понятиями, как гибридность, фрагментарная идентичность, диаспоризация культуры, плюрализм культурных кодов, экстерриториальность, билингвизм. Особое значение придается конструированию читательской рецепции: тексты транснациональных писателей обращены в первую очередь к транснациональной аудитории, способной интерпретировать их не в перспективе одной национальной традиции или одного литературного канона, а одновременно на разных уровнях и с разных точек зрения.

В работах таких западных ученых, как Homi Bhabha, Azade Seyhan, Kwame Anthony Appiah, Nikos Papastergiadis, Rachel Trousdale, Adrian Wanner и др., транснационализм представлен главным образом как феномен современной, постмодернистской, постколониальной и глобализированной культуры. Однако целый ряд аспектов, характерных для транснационального дискурса, можно выявить и в литературном наследии русской диаспоры задолго до того, как они стали предметом научной рефлексии. В частности, широкие возможности для транснационального диалога предоставляла космополитичная среда Парижа 1920—1930-х гг. Писатели русского Парижа, особенно молодые и более интегрированные в современную европейскую культуру (в основном круг авторов, известный как русский Монпарнас), представляют собой прообраз экстерриториального, транснационального сообщества. Поэтому не совсем правомерными представляются попытки представить всю литературу русского зарубежья, написанную на русском языке, как органическую часть единой русской литературы XX в., а творчество эмигрантов, перешедших на французский, безоговорочно отнести к французской литературе. Во-первых, подобный языковой критерий не применим к тем авторам, которые писали и на русском и на

французском (Триоле, Познер, Шаховская или же Набоков, как автор рассказа «Мадемуазель О»). Во-вторых, выбор языка творчества транснациональным писателем часто оказывался не выражением его национальной идентичности, а диктовался соображениями коммерческого или эстетического порядка, стремлением повысить перформативность своей прозы и экспериментировать с различными нарративными масками. При внешней лингвистической ассимиляции эмигрантские писатели-билингвы, опираясь на свой иммигрантский опыт, привнесли во французскую беллетристику оптику маргинальности, экстерриториальный взгляд и иронический комментарий. Тем самым они систематически дестабилизировали языковую реальность, зашифровывая в своих французских текстах ряд смыслов, в полной мере понятных лишь читателю, знакомому и с русской, и с французской культурной традицией.

Но и многие авторы, продолжавшие писать в эмиграции на русском языке, оказались ближе современной западной литературе, а не русской «классической» традиции, которую культивировали более консервативные круги литературной диаспоры. Недаром Газданова, Набокова, Фельзена, Яновского и многих других эмигрантские критики нередко называли «нерусскими», обвиняя их в подражании западным образцам и в чрезмерно вольном обращении с русским языком. Однако за этими инновациями нередко стояла вполне осознанная стратегия. Ассимиляция молодыми авторами западных моделей письма, идеологических концептов, стиля эпохи, а также их попытки адаптировать русский язык к выражению новой реальности, свидетельствует о стремлении преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, русской и западной культурой и разными национальными канонами.

Поколенческий опыт и окружавшая их в Париже авангардная среда определили эстетическую и мировоззренческую общность между писателями русского Монпарнаса и франкоязычными эмигрантами. Являясь одним из ранних проявлений диаспоризации культуры, произведения русских парижан не только продемонстрировали актуальность транснациональных трендов для прозы 1920—1930-х гг., но и создали предпосылки для пересмотра традиционной концепции национальной литературы.

Assimilation as a Literary Strategy: Russian Parisian Writers in the Context of Transnational Theory

The paper examines the legacy of Russian émigré writers of the Parisian diaspora (russophone and francophone alike) in the context of transnational theory. Particular attention is given to such aspects of inter-war prose as hybridity, deterritorialization, performative aspect, pluralism of cultural and linguistic codes, and the use of narrative masks. The paper also explores whether and to what extent the strategies of Russian émigré authors (including their choice of Russian or French as the language of creative expression) not only problematized conventional definitions of a national literature but also anticipated questions that became the object of critical reflection only towards the end of the XXth century.

Корпусные методы дифференциальной лингвистики и лексикографии

Темой доклада в широком смысле является обратная связь между компьютерной и теоретической лингвистикой (здесь и далее мы исходим из того, что «лингвистика» включает в себя и лексикографию как составную часть).

Сегодня можно спорить о том, насколько полезными оказались достижения языкознания для решения задач автоматической обработки языка. Но бесспорной представляется та важнейшая роль, которую играют технологии современной компьютерной лингвистики в качестве исследовательского инструмента лингвистики теоретической.

В докладе будет рассмотрена только одна, но ключевая область, в которой эта роль совершенно очевидна, — корпусная лингвистика.

Современная лингвистика является преимущественно корпусной: большинство лингвистов, независимо от области своих исследований, рассматривают корпуса устной или письменной речи одновременно и как объект, и как инструмент анализа.

Это особая роль корпуса, к сожалению, не всегда сочетается с умением исследователя правильно поставить корпусной эксперимент. Более того, сама оценка адекватности корпуса для того или иного лингвистического эксперимента зачастую остается вне сферы внимания исследователя.

Одной из причин подобных методических просчетов является отсутствие адекватных корпусных инструментов для решения многих лингвистических задач.

Привлечение к исследованию огромного языкового материала требует ясного понимания его принципиальной неоднородности как гарантии объективности полученных результатов.

Опирающаяся на корпусные исследования лингвистика должна быть дифференциальной: основываться на тщательно проработанных моделях жанровых, социолингвистических, региональных различий.

К сожалению, на наш взгляд в этой области состояние лингвистической науки весьма далеко от требуемого. В докладе это будет показано на примерах региональной и жанровой классификации.

Будет представлен реализующийся проект создания Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), анонсированный в работе [Belikov, Selegey, Sharoff, 2012].

Этот проект нацелен на создание адекватного лингвистического инструментария для задач дифференциальной лингвистики. Проект ГИКРЯ в данный момент ведется усилиями

исследовательских групп МФТИ и РГГУ при участии АБВУУ и Leeds University³ и является открытым научным проектом.

Создание полностью автоматически собранного корпуса русского языка такого объема (превышающего объем Национального корпуса русского языка примерно в 100 раз) является уникальной задачей, требующей применения новейших методов компьютерной лингвистики в области языковой и метатекстовой разметки и серьезных лингвистических исследований в области классификации и анализа структуры текстов.

Будет введено понятие *дифференциальной полноты* корпуса и рассмотрены некоторые проблемы и методы создания такого корпуса.

Литература

Belikov V., Selegey V., Sharoff S. Preliminary considerations towards developing the General Internet Corpus of Russian. — In Proc. Int. Conf. on Computational Linguistics “Dialog”, 2012.

V. P. Selegey

Corpora Methods in Differential Linguistics and Lexicography

A theme of this talk, in the broad sense, is interaction between computational and theoretical linguistics. In the modern corpus-based linguistics and lexicography a corpus of texts is at the same time an object and a tool of investigation. It is a common belief that text corpora provide the best testing ground for solving any kind of linguistic problems. But a huge amount of data that is available to researchers requires a clear understanding of its fundamental heterogeneity as a guarantee of objectivity of results. This talk presents the project for creating the General Internet Corpus of Russian (GICR). There are two valid concurrent reasons for GICR designing: the ever-growing rate of linguistic changes and the regional, genre, social and professional ‘segmentation’ of the language, requiring a differential approach to the language phenomena under analysis.

*Е. Д. Толстая, PhD, Еврейский университет
(Иерусалим, Израиль)*

Женские образы Тургенева

Обрисовка основных женских типов уходит в седую архаику — например, библейские образы добродетельной жены, блудницы, желанной невесты. Частый случай типологии — топос «сестер»: с евангельского прецедента и поныне тип (потенциальной) любовницы противопоставляется типу деятельной помощницы с духовными или интеллектуальными, но (якобы) без сексуальных амбиций. Любые три сестры сводимы к этим двум, когда третья

³ Работы проводятся при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения ГК 07.514.11.4142 по теме: «Разработка методов автоматического и полуавтоматического создания корпуса и подкорпусов современного русского языка на основе русскоязычного Интернета».

сестра либо старше, либо младше возраста любви, либо больна, либо почему-то не может любить и поэтому не участвует в основной дихотомии. Примеры общеизвестны, от пушкинских «Сказки о царе Салтане» и Татьяны и Ольги, от Веры и Марфиньки из «Обрыва», Наташи Ростовской и Сони (старшая, Вера, уже замужем и вне игры), к трем чеховским сестрам и их отражениям в позднейших литературных эпохах.

В литературе Нового времени (Просвещение) старая грубая типология перерождается в (пред)романтическое противопоставление страстной, активной, в пределе — губительной «фатальной женщины», — женщине мечтательной, или духовной, или религиозной, страдательной. Более того, к старинным прототипам теперь добавляется еще один мифопоэтический идеал — это масонско-теософская Премудрость-София. В предромантизме эта пара часто реализуется как противопоставление страстной, аморальной брюнетки — добродетельной и нежной блондинке, в основе мифопоэтическое. Блондинке могут быть приданы софийные коннотации (музыка, свет, самоотдача, жизнестроительство), по модели гетевской Лотты. Память об этой типологии окрашивает литературу XIX в., авторы на нее опираются, при этом часто перекомбинируя (брюнетка Татьяна мечтательна, «духовна», интеллектуальна, и хотя она и оборачивается активной и «страстной» — а все-таки жизнестроительство и самоотдача в ней побеждают, поэтому именно она «софийна»; блондинка же Ольга лишь внешняя оболочка «простой», «гемютной» гетевской героини, инсинуируется ее глупость, софийность исключая). Вариантами софийного образа являются гетевская Маргарита (падшая София) и Миньона, образ сложный, в котором комбинируются софийность и некая травма, ведущая к странностям в поведении, в том числе гендерном. Софийные черты укореняются в русской литературе 1830—1840-х гг.

Таким образом, «тургеневская девушка», составной образ, представленный в нескольких вариантах в ряде романов 1840—1860-х гг., прежде всего должна быть соотнесена с наличной мифопоэтической типологией женских образов в русском и мировом литературном узусе.

Женские «портреты» в библейских текстах даны через поведение, может упоминаться одежда (при этом надо учитывать гораздо более тесную символическую связь одежды с содержанием образа, характерную для древних текстов). Только в «Песни песней» облик возлюбленной очерчен с помощью ряда мифопоэтических сравнений, наряду с визуальным рядом включающих географический компонент. Литература Нового времени строит женский, как и любой другой портрет, на соответствии норме — рефлекс этого мы видим и у Пушкина (Татьяна в конце романа), и у Лермонтова (типизация княжны Мери через одежду). Правда, уже у Лермонтова разрабатываются портреты, построенные на физиогномике, даже на физиологии — в комбинации, конечно, с мифопоэтикой.

Тургенев может строить женский образ на мифологическом сравнении: героиня «Фауста» оказывается Снегурочкой, — или на русификации гетевских моделей в «Асе» (Миньона). Но для «тургеневской девушки» он вырабатывает собственную пластику и

предлагает собственные варианты чтения физиогномических и физиологических черт. При этом нельзя забывать и о базисных культурных типологиях: «тургеневская девушка» противостоит типу, эволюционировавшему из роковой женщины, и актуализует признаки добродетельной героини и разные черты софийности, выраженные в актуальном жизненном материале и несущие определенное идеологическое задание.

H. Tolstoy

Images of women in Turgenev's works

Creation of basic female types dates back to archaic times, like righteous wife, whore and beloved bride in the Bible. The frequent case is the topos of sisters: the type of potential paramour is opposed to hardworking assistant. Any three sisters can be brought to these two types.

In the Renaissance old rough typology turns into (early) romantic opposition of *femme fatale* (brunette) and religious and dreamy blonde. Its traces can still be seen in the 19th century.

In the report Turgenev's young woman should be analyzed in the context mythopoetic typology of the Russian and the World literature.

*В. И. Тюпа, д-р филол. наук, Московский
государственный гуманитарный университет
(Россия)*

Перформативные основания лирики

С позиций исторической поэтики представляется несомненным, что лирический дискурс формируется на почве дискурса *магического*. Магическое прошлое лирики достаточно прозрачно мотивирует ее специфическую емкость и преимущественную стихотворность. Принципиальная роль повторов, повышенная степень ритмической упорядоченности, повышенная плотность эпитетов, тропов, олицетворений, анаграмматическая и строфическая организация текста — все это своего рода рудименты глубоко архаичной вербально-синкретичной практики «чародейного слова, вмещающего в себе страшную силу» (А. Н. Афанасьев).

Магическое слово являет собой чистый перформатив. Перформативные высказывания — это непосредственные *действия словом*, заново «перформатирующие» саму коммуникативную ситуацию общения. Перформатив является древнейшим родом говорения, базирующимся на архаичных представлениях об онтологических возможностях магического дискурса, задающего бытийственные характеристики предметов, существ, отношений. Из этого корня произросли заклятия (объектов), клятвы (заклятия самого себя), проклятия/благословления (других субъектов) и молитвы (интерсубъектные заклинания, устанавливающие контакт между «я» и «сверх-я»).

Перформативный род высказываний изучен гораздо менее основательно, чем нарративный. Прежде всего следует указать на принципиальную разницу базовых когнитивных структур нарратива и перформатива. Рассказывание имеет структуру человеческого *опыта*, тогда как перформативное высказывание — более архаичную структуру *откровения*. При этом в лирическом перформативе — в отличие от нарратива — мы имеем дело не с разделением на говорящего и внимающего, но с событием ментального единения. Здесь со стороны лирического субъекта имеет место акт *самоактуализации*, а со стороны реципиента — акт *самоидентификации*, вхождения в хоровую солидарность с лирическим «я» как со своего рода запевалой. Лирический дискурс — это *перформатив хоровой значимости* с высоким потенциалом суггестивности.

Жанрообразующими аспектами лирики следует признать *ценностную архитектуру* лирического откровения как воззрения на мир; *модус самоактуализации* лирического субъекта и *этнос суггестивности* как хорового единения реципиентов. Перечисленные моменты суть нераздельные и неслиянные аспекты определенной жанровой стратегии лирического дискурса. Основу такой (перформативной) стратегии составляет система ценностей того или иного (инвариантного) типа, исторически сформировавшегося в ходе генезиса базовых лирических жанров.

К числу базовых для речевой культуры человека перформативов хоровой значимости принадлежат, по мысли Бахтина, *хвала* и *брань*. Не менее важными в жизни первобытного человека были, несомненно, перформативы *угрозы*, тревоги, устрашения и, напротив, *покоя*, умиротворения. Пристального внимания заслуживают также перформативы *жалобы* (плач) и *желания*. От архаичного речевого жанра хвалы достаточно очевидная нить традиции ведет к оде; от брани — к лирической инвективе; от ритуального оплакивания — к элегии; от перформативов покоя и тревоги — к идиллии и балладе. Выявление наследуемых каноническими жанрами лирики инвариантных перформативных стратегий способно пролить свет на дальнейшие судьбы этих жанров в романную эпоху, а возможно, и обнаружить пока еще не уловленные научной мыслью жанровые образования (в частности, лирического «воления»).

V. I. Tiupa

Performative base of lyrical poetry

The paper is devoted to the origin of lyrical poetry in the magical word of incantation. Main lines of genre genesis of lyrical poetry are considered.

*М. Ю. Федосюк, д-р филол. наук, Московский
государственный университет им.*

М. В. Ломоносова (Россия)

Синтаксическая система русского языка в аспекте активной грамматики

80 лет назад, 29 апреля 1933 г., Л. В. Щерба выступил в Ленинградском государственном университете с докладом «Новая грамматика». В нем в качестве одной из главных линий, по которым должна была развиваться лингвистика XX в., была названа «действенность», состоящая в последовательном разграничении «пассивной» грамматики, описывающей язык в направлении от формы к содержанию, и грамматики «активной», строящей свое описание в направлении от содержания к форме.

Здесь, как и во многих других случаях, Л. В. Щерба сильно опередил свое время: еще долго грамматики русского, да и других языков составлялись в одних случаях как пассивные, а в других — с досадным смешением пассивного и активного аспектов описания. И только к нашему времени благодаря интенсивному развитию таких направлений языкознания, как теория референции, лингвистическая прагматика, семантический синтаксис и функциональная грамматика, появилась возможность создания активных, или, в современной терминологии, ономазиологических, описаний русского языка, и в частности его синтаксического строя.

Какой вид должно иметь ономазиологическое описание русского синтаксиса? Очевидно, что общая структура такого описания будет определяться современными представлениями об устройстве плана содержания предложения. При этом логично предположить, что план содержания предложения содержит те же самые компоненты, которые принято выделять в содержании другой важнейшей значимой единицы языка — слова, т. е. сигнификативный, референциальный и прагматический компоненты.

Сигнификативный компонент содержания предложения (в современной синтаксической теории его обычно называют пропозициональным компонентом или пропозицией) ориентирован на отражение языком действительности. Сигнификатом любого предложения является неконкретизированный образ некоторой ситуации, который не связан ни со знаниями адресата, ни с позицией отправителя.

Референциальный компонент содержания предложения ориентирован на сознание адресата. Поэтому референтом предложения является такой образ ситуации, который при помощи грамматических категорий предикативности и актуального членения предложения привязан к знаниям адресата и к его коммуникативным запросам.

Наконец, прагматический компонент (в современной синтаксической теории его обычно называют модусом) отражает позицию отправителя. Этот компонент несет обязательную информацию о той коммуникативной цели, которую преследует отправитель

предложения, и, кроме того, факультативно может передавать сведения об отношении отправителя к содержанию и форме предложения, к его адресату и к ситуации общения.

Описание устройства каждого из вышеназванных компонентов, очевидно, должно иметь вид системы полей, содержащих разные варианты языковой интерпретации передаваемого мыслительного содержания. Приведем только один пример — языковое поле способов выражения пропозиции «Свойство предмета». Центральное место в этом поле занимают синтаксические конструкции типа *Он стар*, где категориальное значение сказуемого-прилагательного специально ориентировано на обозначение свойств. Все прочие компоненты поля, будучи исконно предназначенными для передачи иного содержания, прибавляют к сообщениям о свойстве некоторые дополнительные смысловые компоненты, например: *У него преклонный возраст; Он в преклонном возрасте; Он стареет; Он состарился; Он старик* и т. д.

М. Yu. Fedosyuk

Russian syntactic system in the aspect of active grammar

The paper focuses on principles of onomasiological description of Russian syntactic system. This description should be based on the distinction between significative, referential and pragmatic components of the content of a sentence. The organization of each of these components should be described as a semantic field containing different versions of language interpretation of transmitted thought content.

К. Ханник, д-р филологии, проф., Вюрцбургский университет (Германия)

Ветхозаветное наследие в Новом Завете (по данным глаголической письменности)

Из древнеславянских литератур глаголическая письменность отличается особым динамизмом, поскольку развивалась на пересечении двух культур — западноевропейской и восточноевропейской — и двух религиозных традиций — восточного православия и западного католицизма. Старые кирилло-мефодиевские переводы Библии, сделанные с греческих оригиналов, в течение X—XIV вв. прошли правку по латинским оригиналам, что увеличило диапазон синтаксического и лексического варьирования в них. В этих условиях особый интерес представляет собою судьба ветхозаветных цитат в новозаветных текстах поскольку языковое развитие в разных отделах Библии шло независимым путем. На материале цитат из Псалтыри в Новом Завете в докладе представлена картина неравномерных семантических изменений одних и тех же религиозных терминов в ветхозаветной и новозаветной частях текста.

The Old Testament Heritage of the New Testament as it reflected in Slavonic Glagolitic Literature

Old Glagolitic Literature is known by its strong dynamism. The initial translations were based on the Greek originals, during the 10—14th centuries they went through multiply corrections against the Latin ones that increased the textual variation and produced uneven semantic development of some religious terms. The thesis is illustrated by the Psalter verses in the body of New Testament texts.

В. В. Химик, д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Жаргоны как социально-функциональная система в пространстве русской речи

Почему образуются жаргоны, каковы их функции, как жаргоны взаимодействуют друг с другом и почему так популярны жаргонизмы в живой русской речи?

1. Появление большинства жаргонных лексико-фразеологических подсистем является следствием естественного обособления определенных общественных, профессиональных, возрастных групп. Б. А. Ларин в связи с этим писал: «Язык... оказывается фактором социальной дифференциации не в меньшей степени, чем социальной интеграции...» [Ларин, 1977, с. 189—190]. Формирование жаргонов, их ненормативность, закрытость и относительная внутренняя стабильность в сочетании с общей динамичностью — результат борьбы отдельных слоев общества за сохранение корпоративной обособленности, за выживание, сопротивление гнету властей, давлению официальных стандартов либо как средство манифестации обособленности — большинство молодежных жаргонов.

2. Отдельные жаргонные подсистемы соотносят с особыми функциональными установками, так, офенские подязыки и воровское аргó связывают с конспиративной функцией. Однако жаргоны выполняют все те же функции, что и язык в целом: коммуникативную, когнитивную, аккумулятивную, фатическую, эмоционально-экспрессивную, творческую. Все эти функции проявляются в каждом из жаргонов с определенной спецификой, которая обусловлена мотивами их порождения и ведущими интенциями речевого поведения носителей. Жаргонные подсистемы обычно формируются в связи с потребностью номинации некоторых реалий (профессиональных, корпоративных), не имеющих названия в общеупотребительном языке. Для многих жаргонов важна фатическая функция: распознавание своих и отторжение чужих. Уголовное аргó и особенно молодежные жаргоны активно реализуют эмоционально-экспрессивную функцию: социальной агрессии или возрастного самовыражения.

3. Современные жаргоны — это, как правило, не закрытые, а открытые или полуоткрытые подсистемы, отличающиеся активной взаимопроницаемостью. Большинство жаргонных подсистем — уголовное аргó, военный жаргон, молодежный сленг, другие

групповые жаргоны — обладают общим номинативным ядром, перекрещивающимся интержаргоном. Если в конце XIX — первой половине XX столетия воровской жаргон был основным поставщиком ненормативных экспрессивов в городскую речь, то в настоящее время он активно заимствует жаргонизмы и из молодежной речи.

4. Широко распространилось такое относительно новое явление, как жаргонизированная разговорная речь [Мокиенко, Никитина, 2000, с. 15]. Жаргонизация не только обиходной, но и публичной русской речи становится распространенным риторическим приемом устной и письменной речевой коммуникации, приобретая особый стилистический статус: подчеркнутая оппозиция языковой норме, деканонизация языковой нормы, противопоставление литературной коллоквиальности и некоторое противостояние официальному речевому поведению. Жаргон, особенно т. н. общий жаргон, или сленг, становится специальным регистром речевой коммуникации, распространенным приемом неканонического употребления живого русского языка.

Литература

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2003.

V. V. Khimik

Jargons as a socio-functional system in the space of the russian speech

Why are formed jargons, what their functions are, as a slang interact with each other and why it is so popular jargon in the living Russian language.

*С. Д. Шелов, д-р филол. наук, Институт
русского языка РАН (Россия)*

Письменный научный текст: состав языковых единиц и их функции

Наука — своеобразная сфера человеческой деятельности. Наука призвана постоянно поставлять новую истинную информацию об окружающем мире, и потому именно наука обращена к интеллекту, к логике, к разнообразным формам мышления. Письменный научный текст (ПНТ) как основной инструмент решения этой задачи, главным образом, с ориентацией на читателя-профессионала, а основные его черты — это: 1) некоторая специальность обсуждаемых в нем предметов; 2) повышенная ясность содержания ПНТ (включая ясность того, о чем нечто говорится, и того, что об этом говорится); 3) нормативность и безэмоциональность используемых языковых средств; 4) корпоративность функционирующих в ПНТ некоторых языковых единиц, использование которых не продиктовано специфическим характером обозначенных понятий и объектов.

Каковы же основные языковые единицы ПНТ и за счет чего обеспечиваются перечисленные выше признаки ПНТ?

Упомянутая специальность предметов (понятий) ПНТ реализуется посредством терминов. Теоретически каждый термин либо целиком, либо какая-то его самостоятельная и осмысленная языковая часть должен иметь определение. За счет определений, которые должны удовлетворять целой системе достаточно строгих требований, научные предметы и понятия обычно обладают большей ясностью и четкостью, чем предметы и понятия нашего обычного, бытового мира. Но чтобы понимать хотя бы одно определение одного термина или понятия, следует понимать и все другие термины, которые, возможно, встретятся в его определении. Таким образом, для понимания одного термина необходимо знать не только его собственное определение, но и определения всех других терминов, использованных в его определении, и так далее вплоть до базовых понятий. Если у термина нет собственного определения, то его значение должно быть обусловлено, должно вытекать из значений других языковых единиц (и терминов, и нетерминов), входящих в его состав, можно сказать также, что его значение должно выводиться из значения составляющих данный термин элементов, т. е. оно должно быть мотивировано его терминологическими элементами. В мотивации участвует значение хотя бы одного термина (а могут участвовать значения и многих терминов), значения слов общего языка и, разумеется, значения синтаксических и морфологических конструкций, которые образуют эти терминологические элементы — слова и морфемы.

Следовательно, самая существенная черта термина и главная его особенность состоит в том, что он несет информацию огромного объема либо за счет своего определения (дефиниции), либо, если их нет, за счет языковой мотивации его значения с помощью каких-то его языковых элементов, хотя бы один из которых собственное определение все-таки имеет. Таким образом, приписанность термину с помощью дефиниции или толкования достаточно строгого понятийного содержания имеет прямое отношение и к первой упомянутой его черте ПНТ — его повышенной специализированности (информативность), и ко второй его черте — его повышенной ясности.

Наконец, для ПНТ характерно соответствие всех используемых в нем языковых единиц литературной или профессиональной норме. Термины в этом отношении также весьма показательны. Во-первых, они полностью удовлетворяют норме в отличие, скажем, от различных научных и технических коллоквиализмов, профессионализмов, предтерминов, жаргонизмов и т. п., которые по этой причине более характерны для устной сферы общения. Во-вторых, в силу их специализированности (информативности) для них не характерна ни эмоциональность, ни экспрессивность. Таким образом, из четырех свойств ПНТ три в значительной мере обеспечиваются его терминологией.

В пределах профессиональной нормы имеется, однако, еще один, совершенно недостаточно изученный класс специальной лексики, которая, будучи специальной по

форме, не передает специального содержания. Для этого класса даже нет устойчивого обозначения; в наших работах единицы этого класса именовались характеристиками или научно-техническими арготизмами (не жаргонизмами!). Немногочисленные по своему составу, именно эти слова чрезвычайно показательны для корпоративного характера научного текста и являются важными внешними показателями принадлежности к научному или профессиональному сообществу, выполняя, таким образом, четвертую из упомянутых функций.

S. D. Shelov

Written Scientific Text: its Units and their Functions

Written scientific text (WST) is primarily intended for a professional reader and the main features of the WST content are: 1. its highly specified topics, 2. its transparency, including the transparency of what is nominated and what is assumed of the nominated items, 3. normative nature of the language units used, 4. impartiality of what is told of the nominated items.

Besides, the WST often carry features of a corporate speech which special units are not necessarily determined by the specific nature of the concepts and objects designated. The article aims to answer the question of what the specific WST language units are and how they perform the WST functions mentioned above.

*проф. Желька Финк, д. филол. н.,
Философский факультет
Загребского университета (Хорватия)*

Сравнительные фразеологизмы: национальные и общеевропейские

Некоторые фразеологизмы, как известно, являются характерными только для одного языка или для нескольких родственных языков, в то время как другие регистрируются во многих европейских языках. На материале сравнительных фразеологизмов будут показаны эквивалентные (с точки зрения структуры, мотивации, образа и значения) обороты в славянских и неславянских языках. Собранный материал можно разделить на четыре группы.

1. Первая группа относится к оборотам хорватского языка и близкородственных языков (сербский, боснийский, черногорский), напр. *marljiv kao crv, žao je kao psu komu, biti (razlikovati se) kao bog i šeširdžija*.

2. Фразеологизмы второй группы регистрируются в южнославянских языках, причем, надо подчеркнуть, не все фразеологизмы зафиксированы во всех данных языках, напр. *naviknuti se <na što> kao magare na batine, zaštićen kao <lički> medvjed, hladan kao špricer*.

3. В третью группу включены сравнительные фразеологизмы, зафиксированные во всех славянских языках или, по крайней мере, в большинстве славянских языков, но

эквивалентный оборот не фиксируется в европейских неславянских языках. К ним относится, напр., единица с этнонимом *crn kao Cigo*.

4. В четвертую группу входят сравнительные обороты, зафиксированные как в славянских, так и в неславянских языках. Такие обороты часто имеют общий источник (Библия, мифология) или содержат зоонимы, орнитонимы, ихтионимы, энтомонимы, фитонимы, которые одинаково воспринимаются в разных европейских языках, напр. *čuvati kao zjenicu oka koga, što, kao furija, ponašati se kao slon u staklani (trgovini porculana), jesti kao ptica, osjećati se kao riba u vodi, marljiv kao mrav, nicati kao gljive <poslije kiše>*.

Prof. dr. sc. Željka Fink

Filozofski fakultet

Sveučilišta u Zagrebu (Hrvatska)

Comparative idioms: national and common european

The paper deals with the comparative idioms that are used in various languages. They are divided into four groups.

1. Idioms used only in Croatian (Serbian, Bosnian and Montenegrin).
2. Idioms that are registered in all (or most) South Slavic language.
3. Idioms used in all (or most) Slavic languages.
4. Idioms used in most European languages.